

18+

Каникулы на

Дальнем Востоке

Леонид Мильчевский и многие другие

Леонид Мильчевский

Каникулы на Дальнем Востоке

«Издательские решения»

Мильчевский Л.

Каникулы на Дальнем Востоке / Л. Мильчевский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504199-9

Лёгкие и глубокие художественные повести о временах и случаях, что меняют людей. Человек растёт, встречая трудности. Дети растут здесь не по годам. Вдалеке от мира, у Сихотэ-Алиня и Японского моря, всё ещё ярко вытлевает жизнь в простом быту и врывающихся мировых тенденциях. Все истории чётко передают события разной давности, с её реальными участниками, что помогали создавать мне эту книгу. Просто после того, что мы прошли, я как-то задумался: неужели это просто останется у нас в головах?

ISBN 978-5-00-504199-9

© Мильчевский Л.
© Издательские решения

Каникулы на Дальнем Востоке

Леонид Мильчевский

Иван Шадрин *Редактор-корректор, фотограф*

Герман Мороз *Редактор*

Николай Деревнин *Редактор*

Юрий Шадрин *Фотограф*

© Леонид Мильчевский, 2020

© Юрий Шадрин, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0050-4199-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отъезд.

И снова утро. Солнце за окном ярко освещает листья высоких деревьев. Почему высоких? Ну, думаю, не каждое дерево может достичь высоты третьего этажа. Воздух за окном пах какой-то овеселяющей свежестью. А может, мне кажется? Кажется из-за того, что я, наконец, застал тот долгожданный день своего отъезда из жарких каменных джунглей в свой далёкий, но родной посёлок.

Терней.

18:20 Автобус, наконец, решил съехать с места и начать свой томительный десятичасовой путь. Мне досталось место у окна рядом с загорелым пожилым человеком. Не скажу вам, что уж старик, но морщины на лице дают о себе знать. Дед с бабушкой сидели вместе недалеко от меня.

20:40 Первая остановка у магазинчика на 10 минут. Я решил выйти на улицу. Повсюду стоит свежий воздух с легким запахом хвои. За дорожным магазином впритык находится широкая стена зелёных и густых деревьев. К тому же над всей дорогой с её окружающим хвойным лесом возвышался прекраснейший ярко-красный закат. Красота...

23:30 Пытался заснуть сидя под орущий фильм. Начало получаться, если бы водители не решили устроить перекус с остановкой автобуса. Почти все решили на сон (кого я обманываю?) грядущий поехать да прогуляться под звездным небом. От безысходности я решил всё-таки выйти вместе со всеми. Я вывалился на улицу, и в нос ударил душный медовый аромат, повсеместно стоящий в воздухе. Мы пошли в придорожное кафе, чтобы немного наполнить пустой желудок.

Всё оставшееся время, как я вернулся в автобус, я пытался заснуть, благо, выключили фильм и потух свет в проходе между сидениями. Но в какой только позе я не пытался погрузиться в сон, всё было тщетно: дремал я максимум час.

XX: XX. Автобус подъезжал к точке прибытия. Я чувствовал это. Сквозь слипшиеся веки я видел за окном белый, как молоко, туман. Словно ковер, он отрывками покрывает холодную утреннюю степь с редким пролеском. Я никогда не видел подобного. Я не могу объяснить происхождение такой сюрреалистичной картины, но одно скажу точно: она притягивает взгляд. Решив не проверять время, я думал, что сейчас около шести часов утра: за окном светало.

Мы приехали. На вокзальных часах электронными цифрами сияет 5:43. Да, я был невероятно прав, пусть и удивлён немного. Такое вот оно – лето.

18:07. Очередной автобус со мной и прародителями в комплекте направился к предпоследнему пункту назначения. Ехать предстояло четырнадцать часов в сидячем положении. Я

ментально подготовился к очередной ночи без необходимого сна. Со мной на пару сидел пухлый лоснящийся дядя. В отличие от моего прошлого спутника, он почти не проронил слов, только просил открыть пошире окно, которое едва ли не единственное открывалось из всего автобуса.

И снова за окном потянулись сопки, сёла, леса и туман...

Автобус приехал на час позже расписания. Сосед выходил не на конечной остановке, и я позволил себе прилечь на целых два места, положив под голову рюкзак. Какое же это удовольствие! Лежа! Да после четырнадцати часов езды в сидячем положении! Но выспаться полностью мне, конечно же, не удалось.

В пути я заметил интересную вещь. Начиная свой путь от такси на автовокзал моего города и, заканчивая немалый маршрут, мне ни разу не довелось переодеться. Среди городского населения одеждой я не выделялся, но, заезжая всё глубже и глубже в Приморье, я все больше и больше чувствовал себя белой вороной в черных джинсах и клетчатой рубашке среди местных на каждой остановке. Да и посматривали на меня слегка удивленным взглядом, особенно одна девочка в поношенных спортивках. Проходя её двор во второй раз в обратную сторону, меня снова настигал удивлённый взор.

15:45. Наконец, все поместились в микроавтобус. Мы помчали в самый последний пункт назначения. Ну, как помчали... преодолевали 150—180 км под 60 км/ч то через подобие асфальта, то по пыльной, проезженной машинами, земляной дороге, подсакивая на каждом камне. Да и не очень устраивало, что мужик с бодуна, который, сидя у единственного открытого окна, «освежал» заходящий воздух. Здесь нет сентиментальности. Деньги есть – добро пожаловать, нет – проваливай, чего мудрить.

Несмотря на то, что нормальных сидячих мест было девять (включая водительское), людей внутри было одиннадцать. Причём выходило так, что один старичок умудрился купить пассажирское место и себе, и своему новокупленному деревянному столику.

Спустя три часа с лишним, сначала пронесся мимо домик со шлагбаумом, где второй собой закрывал путь к озеру Благодатное, а потом до боли знакомая заправка. Старый и новый ПМК, а после и долгожданная конечная остановка, после которой водитель не пожалел развести каждого поближе к дому.

О да, эти места! Я помнил и помню тут каждый кварталчик и не раз проходил среди их множества, пусть и не великого настолько. Я рад, что эти каникулы теперь могут проходить более, чем достойно.

Скалка. (2013)

Впервые за все время посещения посёлка я приехал сюда на весенних каникулах, а не на летних. Мне десять лет, и я не так уж и давно покинул Терней, уехав учиться в город. Как сами можете понимать, я сильно успел соскучиться и был очень рад, что смог лишним раз да пораньше навестить свою малую родину. Из-за коротких каникул оставаться я мог едва ли больше, чем на неделю. За все семь с лишним дней пребывания здесь один из ярких суток вышел особенно запоминающимся.

Нас собралось на порядок больше, чем обычно. У каждого из членов «отряда» был свой пластмассовый автоматик, и у некоторых он даже способен к работе. Но не в том суть, ведь мы играли за одну сторону. Нас шестеро да взрослая дворняга в холке ростом чуть выше моего пояса. Собрались мы на Ивановской улице и позже спустились с неё к Ивановскому полю – полянке на ложбине для отдыха, где стоят футбольные ворота и иногда волейбольная сетка. Сюда люди приходят отдыхать или отпраздновать какое-либо событие. Пробираясь по спуску среди зелёной густой травы, Ивановское поле мы решили обойти окольными тропами, скрываясь от вымышленного врага. Обходя лужайку лесом, мы наткнулись на старый разваливающийся забор, который окольцовывал небольшую территорию. Та заросла травой не меньше,

чем сама чаща, разве что деревьев там не было. Я решил, что это заброшенное пастбище, и мы двинулись дальше.

Выходя за Ивановское поле, можно было без труда заметить речку. Если пройти вдоль неё, то можно было заметить тройку деревьев, росших совсем недалеко друг от друга. Их кто-то обложил досками, делая маленькую импровизированную крепость. Там можно было ещё заметить и нашу банду, которая укрывалась там от обстрела с воздуха от нашей авиации, ведь действовали мы в тылу врага и собирали информацию. Думаю, вы не удивитесь, что обстрел был по нашей наводке. Диверсия была близка к провалу, но мы же профессионалы!

А если профессионализм можно пропить, то его у вас и не было! Так... А теперь надо бы пересечь эту глубоководную бурчащую речку, если мы хотим двигаться дальше. Надо срочно что-то придумать... или найти? Да!

Нам повезло, что здесь упало дерево. Ловко удерживаясь, каждый проходил по упавшему стволу, и нам удалось оказаться по другую сторону. Снова вперёд! Снова в лес. Эти чащи для нас – отличная маскировка, и врагу несдобровать!

Бои боями, а вышли мы вдруг из чащ и зарослей прямо на дорогу, покрытую асфальтом. Что-то знакомое... такое чувство, будто я здесь когда-то был. Рядом дома и участки. А ещё две девочки, по семь и пять лет, что решили к нам прибиться. Ну, а чего их гнать? Если уж решились попроситься, значит, есть почему. Мы решили не сворачивать с дороги обратно в лес, решив проходить дальше вдоль неё. Дома тянулись и менялись, а мы уже топали по бездорожью.

На одном из участков были открыты ворота. Когда мы проходили мимо них, то вдруг услышали яростный лай, а потом и его обладателя. Непривязанный пёс бесперебойно гавкал, рывками выходя из своего участка, вот-вот желая натворить бед. Нам стало не по себе: пластик не спасёт от клыков и когтей. А бежать ещё и тому бесполезней. Не знаю, как разрешилась бы накалённая ситуация, если бы не дворняга, что следовала за нами. Подбежав ко псу боком, она стала его обнюхивать, чем дала нам несколько секунд необходимого шанса. Мы были не очень глупы, поэтому воспользовались им.

Теперь мы идём в гору. Цепляясь одной рукой, а другой постреливая, наша банда покоряла небольшую сопку, что вгрызается в посёлок недалеко от места вышеупомянутого случая. Стрельба была серьёзной, и наверху кто-то перевязывал раны, кто-то чинил оружие, а девочки без устали твердили, как они устали. А что ж тогда к таким прибились? На вершине мы были примерно на семьдесят метров выше уровня моря. Эту сопку часто посещают, поэтому тут уже есть протоптанная тропка. Она приводила уставшую группу к крутоватому спуску. Но разве обыденность – это вызов? Я не думаю так. Преодолев вниз под сотню метров, наши ребята решили пройтись до магазина.

Собрав общие деньги, двое из восьми исчезли за дверью торгового заведения, а остальные стали ждать и смотреть вдаль возле входа. Мы решили купить колы в банках и сухарей, чтоб снова забраться вверх. Там было, где посидеть.

Это и называется Скалка. Из сопки немного выходит внушительный каменный нарост, что представляет собой отличное место для панорамы. Под ногами, с головокружительной высоты, и в зелёной дали на краю горизонта ты можешь наблюдать посёлок, большинство которого умещается во взгляде. И площадь, и магазины, и мириады маленьких домиков, даже мост!

– О-о! Тут так всего много! – восхищённо вскрикивала маленькая девочка. – Это больше России, Германии, Франции... Швеции, Испании... Дании!

Бедный ребёнок. Ей пять лет, а она видит это впервые... Мы лежали на большом монолите, стояли, говорили, попивая колу под оранжевый свет западающего Солнца. И так спокойно было. С нами даже была собака, неизвестно как забравшаяся сюда. Она лежит рядом. Эта весна была теплой и беззаботной, как и всё это детство. Мы всё предавались идиллии на смелом монолите, который, как вы знаете, в народе ласково прозывали Скалкой.

14.07.14

Начинался день весьма обычно. Скучая, мы занимались нашим обычным делом: вооружившись автоматоподобными палками, засели на грубом булыжнике размеров внушительных. Он примыкает к каменной стене крутой сопки, грань которой отмечается высоким обрывом, что падает прямо у нас за спиной. Мы обстреливали воображаемые эшелоны вражеских боевых машин. Это бессмысленное занятие нам быстро наскучило, и мы спустились с насиженного места на пыльную проезжую часть, где почти не встретишь машину. Проходя вдоль сопки, мы размышляли о том, чтобы сделать сегодня такого результативного или хотя бы просто не потратить время впустую.

Так бы мы и шли, если бы не заметили, что у подножья природного возвышения есть подъем в определенном месте – крутая и широкая дорожка вверх. Она существует без растительности между двумя спускающимися к земле, но не достигающих её густых зарослей леса. Подъём усыпан различными камнями – и маленькие, и крупные, грубые и острые, и гладкие, как на морском побережье. Только все в пыли, да и рыхлой сухой земли тут также немало присыпано. То был прямой путь наверх!

Решив покорить новую доселе неизвестную нам вершину и, как мы считали, неплохую обзорную точку, наша троица разделила между собой маршруты. Каждому следовало взобраться к более-менее ровному месту, чтобы достичь условной цели. Герман был в центре, Коля – справа, а я был самым левым. Нам, как имеющим опыт лазать по наклонным поверхностям, сложно было только в конце. Там кончаются камни, а до ровной и твердой земли оставалось ещё около двух метров. Это расстояние покрывалось мощным слоем рыхлой и сухой землицы, поэтому приходилось хвататься за корни вышерастущих деревьев и использовать их как поручни, чтобы забраться на крутую вершину. Так как карабкались мы шеренгой, мне пришлось буквально порхать руками и ногами, чтоб не слететь вниз вместе с падающими камнями, ведь намного правее меня находилось единственное подходящее место, чтобы положить конец этому скалолазанию. Два друга уже забрались и в две руки помогли мне оказаться с ними на одной высоте.

Поравнявшись, мы опираемся на наш деревянный «огнестрел», не без усилий взбираясь выше по засыпанному рыжими листьями склону сопки. Поднявшись на несколько метров, мы взглянули вниз и осознали, что оказались весьма недальновидны. Спуститься обратно по тем же камням будет нам стоить как минимум сильным ушибом на брата. Ну, что ж, видок здесь довольно неплох. Ничего нового, к сожалению, увидеть не получается.

Недолго думая, Коля заявил, что знает, как пройти к одной спасительной дорожке. Спуститься там, говорит, не составит особого труда, и мы пошли за другом почти по краю обрыва сопки. Пропасть соседствует по правую руку от нас. Мы шли цепью: первым идёт Колян, вторым Герман, я стал замыкающим. Чертыхаясь, мы утопали практически по колено в слое пожухлой влажной дубовой листвы. Лишь крепкие палки помогали нам преодолевать земляные кочки и бугры на склоне. Время от времени свободной рукой мы держались за ветви и тонкие стволы серых деревьев, чтобы устойчивей стоять хоть и на твердой, но слегка пологой поверхности.

Наша не совсем расчётливая команда продолжала двигаться в сторону, от которой мы пришли к подъёму. Коля уводил все дальше. Двигаемся мы друг от друга на расстоянии около двух метров и уже более-менее приспособились к здешнему рельефу и несменному нашему проводнику. Так ведь, Колян?

КОЛЯН!?

Он упал. Большой плоский камень под ним съехал с обрыва под его ногами. Боже, с каким же грохотом падали близлежащие камни.

Как!?! Друг... Мы потеряли его!?! Нет! Нет... Я верить не хочу... Навсегда? ... Неужели надо принять это, как есть?

В голове пронеслось раннее детство, как мы ссорились, мирились... Да мы знали друг друга с первого слова! Это не должно оборваться здесь! Почему..?

Каким-то чудом мы с Германом миг подлетели к образовавшейся нише. Несколько секунд назад тут был человек, а теперь... господи! Лишь бы этого не случилось...

– Колян!! Ты жив!?! – волнительно прокричал Гера вниз. – Жив!?!

Пара секунд тишины прервалась едва слышимым хриплым голосом из-под сопки:

– Да... жив.

Слава всему живому! Он даже после такого смог заговорить! Но как мы не кричали ему ещё и ещё, ответа не следовало. Герман пояснил это тем, что видел, как Коля, вроде как, зашел (или захромал?) за скалистый поворот и не слышал нас. Надеюсь, он не умирает от шока.

– Ладно, давай идти дальше, а там посмотрим, – предложил друг.

– А его палка? – я поглядел на длинную параллелепипедную дубинку с приклепанным к ней с конца небольшим куском тонкого металла. Он окрашен эмалированной краской зеленого цвета с внешней стороны.

Она осталась здесь, откинута в листву несчастным хозяином ближе к обрыву и, чтобы безопасно поднять её, надо было лечь и, подползая ниже, протянуть руку.

– Да какая палка!?! Пошли!

Действительно. Чего-то привязался я к палкам, как в два года к погремушке. Надо идти. И мы продолжили передвигаться по капризному рельефу обрывистой сопки, оцепенело глядя по сторонам. Ещё сильнее держась за деревья, не забывая поглядывать под ноги. Никто не хотел повторить участи Коляна. Преодолев метров шесть, мы заметили, что серо-рыжий пейзаж прорезали новые формы. Ручей, стекавший откуда-то с вершины, водопадом летел с обрыва на землю правее и гораздо ниже нас. Поток быстрой воды с двух сторон поперёк нам обрамляют плоские скользкие камни, покрытые той же пожухлой листвой, но уже мокрой. От такого стоять возле ручейка было ещё неустойчивее. Поток был неслаб, хочу вам сказать. Говорят о таких: «Мал, да удал». Нам надо было куда-то идти. Колян знал путь, но теперь его уже нет с нами. Что делать?

Поглядев налево, я увидел довольно широкую палку, лежащую поперек ручья. Это был шанс существенно снизить смертельный риск. В те моменты в моей голове устойчиво звенела мысль, что, поскользнувшись, меня сметет течением, и водопад обзаведется первой жертвой. Цепляться то будет не за что, вокруг все было склизко. Мы с Германом по очереди сверхаккуратно, едва не сломав ветвь, перепрыгнули на другой бережок и спустились ниже. Ничего нового. Та же природой созданная лестница в никуда. Хотя, чего ожидать можно было ещё? Мы решили подойти к её предпоследней ступени и созерцали во всей красе тот беззаботный водопад, с высоты которого полететь вниз было бы ещё фатальнее, чем со скалистого обрыва. Возле него хотя бы росли деревья. Медитативно завораживающе глядеть на кристально чистую воду, под шум ручья мерно летящую вниз с серых камней. Было красиво вокруг. Страшно внутри. Быстрая смерть в одиннадцать лет. Надо покинуть это место. Как?

Внезапно друг без какой-либо страховки перемахнул снова на ту сторону, откуда мы явились. Он поглядел на открывшуюся нам каменную часть сопки. Она показалась из-за того, что ручей сходил по наклонной вниз, а линия обрыва оставалась той же. Неужели... да нет, это дико.

– Я пойду туда, – сказал друг.

– Чего!?! – мои худшие предположения оправдались. – Герман, лучше не рискуй, не надо. Я не хочу потерять тебя здесь так же, как Коляна. Я вряд ли выберусь один.

– Слушай, это может быть выход, – оправдывает он себя. – Я знаю, что делаю. Я не грохнусь.

– Ммм... – мне было непросто принять решение. – Ладно. Но не говори мне, что я не предупредил.

И он, опираясь ногами на узкие скалистые уступы, держался руками за шершавый камень, прижимаясь к сопке. С каждым прерывистым шагом Герман все дальше и дальше удалялся от меня. Вскоре он бесследно исчез за поворотом.

Секунды, минуты... нет, не стали часами. Они просто выедают мне душу. Безызвестность и опасения капают на мозг неразбавленным ядом. И где же он? Я прислушался. Ветер шуршал ржавыми дубовыми листьями. Плескалась бурная вода. Не рядом со мной. Я пытался услышать хоть звук оттуда, откуда он ушел. Это давило на нервы ещё и поверх того, что мы и так медленно летим с катушек. Каждое второе слово в моей мысли нельзя было бы напечатать.

Через некоторое время из-за скалистого поворота выглянуло цепкое тело, рывками двигающееся к твердой земле. Я помог ему перебраться в более безопасное место.

– Ну как?

– Нет, ничего.

Идти в чащу, что была за ручьем, не очень хотелось. Я двинул выше по течению почти на четвереньках, чтоб точно не навернуться. Поднял голову... и как же я не додумался раньше? Пройти вверх по каменной лестнице будет одним из неплохих вариантов для поиска выхода с этой треклятой сопки. Боже, зачем мы полезли сюда?

Радуюсь, мы начали подниматься. Представал новый поворот этого злосчастного приключения.

Решив не особо ставить голову на кон, мы возвращались, откуда пришли. Наученные горьким опытом, продвигались уже гораздо выше обрыва, всё так же инстинктивно цепляясь руками за неширокие стволы преклонных деревьев. Листва под ногами утягивала более чем по щиколотку в себя. Это уже было для нас почти незаметно после такого эмоционального потрясения.

Вот. Отсюда мы и начали двигаться вдоль обрыва. Прямо вниз нельзя. Покалечишься, мама не горюй. Хотя что прямо, что право, что... О! Мой глаз заметил, что чаща, будто клином, глубоко врежется вниз левее нас, а если через неё пройти, то... Да! До земли будут считанные метры! Господи! Наконец-то! Это закончится...

Я немедленно сообщил о находке Герману, тоже ищущему какое-то вменяемое решение проблемы. Он взглянул по направлению моей руки и также понял, что счастье-то не за горами, оно в горах. Со светлой надеждой мы делали последний марш-бросок из этой неожиданной ловушки. Уже сто раз проклятой.

Аля Тарзаны, мы цеплялись за деревья на крутом спуске полуостровка спасения. С некоторых кустов свисали рваные пакеты и мусор с таким видом, будто тоже боялись упасть и, что есть сил, цеплялись за жесткие и упругие ветки. Наличие деятельности человека здесь мне показалось странным. Кажется, мы разучились передвигаться прямо и в смысле осанки, и в смысле походки. Протарзанив вниз, мы притормозили. Перед нами предстал последний участок склона. Он разделяет нас от ровной земли под ногами. Он довольно крут, так что если бы кто-нибудь напрямую отважился пробежаться по нему, то здраво поломал бы себе что-нибудь жизненно важное. Недолго думая, мы отбросили эту глупую затею. Герман увидел, что справа от нас на том же уровне располагается весьма нерыхлый земляной нарост на теле жестокого обрыва под наклоном в сорок градусов. Грубый земельный слой своей длиной почти достигал земли, так желаемой нами. С ним нас разделяли несколько метров песка, землицы и щебенки, под которой обвалиться головой на жесткие камни совсем не составит труда. Надо было думать. Но Герман либо не думал, либо все просчитал. И друг, надеясь на быстрые ноги и законы физики, успешно пробежал в пару-тройку шагов под острым углом относительно положения равновесия разделяющее расстояние. Уцепившись за хребет бугра, он оказался в безопасности, если не двигаться резко, конечно. Меня поразило, во-первых, это рискованное действие, а во-вторых, что это придется делать мне. Чёрт, страшно! А если не выйдет, то..?

– Ленчик, давай! – подбадривал меня друг. – Если у меня получилось, то и у тебя получится, отвечаю!

Эх, ну что ж. Глаза боятся, а ноги делают. В ближайшее время иного выхода не будет.

– ЗА СПАРТУ!!! – боевой клич мой заглушил на пару мгновений страх и освободил разум, во время которых я чуть ли не перелетел опасный участок.

Я поймал руку друга и, подтянувшись, тоже оказался в относительной безопасности. Что ж, и слава богу.

Ни с того, ни с сего сверху покотился небольшой камешек с лесистой стороны, которую мы уже успели преодолеть. Он с умеренной скоростью перекатывался по песку, который мы обходили всеми способами. Он стекал по направлению к нам. Я обратил внимание друга на эту не столь обычную вещь, но он не нашел в этом ничего особенного. «Упал, да упал» – говорил он. Больше ничего подозрительного вокруг не происходило, и я уж думал, что начинаю обзаводиться параноидальными началами. Или, может, я слишком опасно отношусь ко всему вокруг?

Проходя вниз по безопасному участку, мы достигли его края и уже почти без опаски пробежали по камням, по песку, что так и норовил подвернуть ноги.

Последнее приземление.

ДА!

Фух... уже не знаю, как упомянуть Бога, чтобы сказать себе спасибо. Ровная земля чувствовалась, будто что-то новое. Да и куда б я без Германа вышел... Как и он без меня.

«Ура!» – закричали мы и крепко обхватили друг друга, как это делают спортсмены после трудной победы. Ведь это была действительно непростая победа.

Я оглядел свою одежду: мой новый камуфляж был в грязь испачкан, и я, садясь на пыльную землю, принялся его чистить. Но и дураку понятно, что руки – это не лучшая щётка, поэтому весь комбез так и остался неочищенным. Герман занимался тем же – оттирал пыль и грязь с одёжек, тапок, а как мы оба закончили оздоровительные процедуры (за грязизищу на одежде можно было получить), так свернули в небольшие заросли ближе к дороге. Мы пытаемся найти место, где Николай обернулся внезапной жертвой. Будто кто-то играл с нами злую шутку.

В лабиринте тропинок заплутать было сложновато, и мы увлечённо разглядывали подножье обрыва, благо, здесь растительность пригибалась ниже. Друг должен был низвергнуться недалеко от заброшенного хранилища газовых баллонов, огнетушителей и тому подобной утвари. Где-то здесь... Это единственная достопримечательность неподалеку, давно поросшая травой и деревьями. Из-за забора-сетки, ограждавшего её, мы пройти на её территорию не смогли, так что бродили вокруг да около, выкрикивая имя друга.

КАКИМ ОБРАЗОМ!? ЗАЧЕМ? ЧТО?..

– Бежим! – крикнул я.

– Куда?

– За мной!

Все было тихо, как вдруг, будто с неба, на нас осыпалась тирада громких фраз, из которых разборчиво было слышно лишь исконно русское слово на букву «Б». Но то не бог гневался на нас. Кто-то грубым мужицким голосом вещал что-то агрессивное примерно с того места на сопке, где низвергнулся Николай. «Но мы не замечали никого, когда выбирались. Ох, неспроста камушек-то покотился», – Все эти мысли промелькнули у меня в голове за короткий момент. Ступор и паника одновременно охватили нас...

Сам не зная пути, я начал петлять по живому лабиринту зарослей. Герман не отставал. Что это было? Представляет ли он опасность? Нам повезло, и мы, не сбавляя бегового темпа, едва не выпали на дорогу. Мы решили вернуться к тому громадному валуну, откуда и начиналась история. По пути нам встретился старший брат нашего с Колей знакомого, такой высокий

смуглый парень. Он говорит, что видел друга, что с мутным взглядом шел по дороге. Также видел, где он упал. Его рука была направлена в то место, откуда мы глядели с обрыва вниз. Значит, верно все. Значит, жив ещё. Очень на это надеюсь.

Вокруг все было как всегда: просто и буднично. Издалека доносились звуки машин, сами машины проезжали мимо, собаки лаяли то между собой, то на прохожих в своих домашних дворах. Шелестели листья. Светило солнце. Два друга едва не потеряли третьего. Все когда-нибудь забудется.

Все пройдет.

Хоть раньше мы с Германом имели некоторые препирания на почве малого времени знакомства, то теперь, как говорится, надолго кореша. Взобравшись на глыбу, мы присели, перебирая мысли и переводя дыхание. Мда... Пошли втроем, а вернулись двое. Герман пытался звонить на телефон Коли, но, что очевидно, другой конец провода не одарил ответом. «Сломался, наверное», – сказал друг. Я думал также.

Отдохнув, мы возвращаемся в сторону центра поселка вдоль асфальтовой дорожки, что далеко протягивается среди множества деревянных домов. Как-то даже непривычно было находится в относительной безопасности, на твердой земле под ногами. Знать, что тебе уже ничего не угрожает, хотя от места событий не разделяет и километр.

Нам пришла в голову шальная мысль аккуратно поинтересоваться, не пугая причинами отсутствия Коли, если так будет, дома ли он. Мы дотопали до дома друга, я отворял так знакомую мне железную калитку. Мы прошли двор, и Герман постучал в дверь. Бабушка Коли, Людмила Николаевна, открывает дверь.

– Здравствуйте, а Коля дома? – невинно спросил Герман.

– Нет, его скорая забрала, – отвечает она нам. – Он деду позвонил, и щас он в больнице. По её тону стало понятно, что она расстроена и даже раздражена.

– Блин, а мы его потеряли. Вроде был рядом, и пропал. Спасибо вам. – как можно правдоподобней отгаторили мы и, не задерживаясь, вышли со двора.

Вот же чёрт... Хотя, наоборот. Это, думаю, лучший исход ситуации. К тому же Колян сам смог позвонить дедушке и сообщить о своем состоянии. Но почему тогда телефон его не отвечал нам? Странно. Но причину мы вряд ли узнаем.

А сейчас нужно домой. Отдыхать.

То, что случилось днем, казалось ужасным и липким сном, от которого хотелось скорее избавиться. Надо лишь забыть эти потрясения и страх. Избавиться от дрожи, пронизывающую тело... Явной боязни потерять жизнь.

Холод с груди ещё не хотел уходить, но начинал сдавать позиции в условиях относительного уюта дома. Мой телефон внезапно зазвенел мелодией вызова. На дисплее я увидел лишь надпись «Герман». Что-то нехорошее чувствовалось мне. Я всем существом пытался верить, что он просто ошибся номером или нажал не на ту кнопку. Пожалуйста... хватит звонить! Нет... нет! Я сбросил. Звон прекратился. Как же хорошо... Мечтаю, он не позвонит снова. Да, я просто чем-нибудь позанимаюсь.

Дисплей снова загорелся и завибрировал. Боже, да за что!? Мне ОЧЕНЬ не хотелось отвечать на звонок, но порядочность всё-таки брала своё. «Что ж, так и быть, от судьбы не уйдешь, будь что будет», – решил я и ответил.

– Да?

– Алло, это я, Герман. Тут к нам полиция приходила по делу Коляна, и они попросили, чтоб мы завтра в участок подошли со взрослым. Завтра в девять.

– Хорошо...

– Мы там как свидетели будем, нас там просто спросят, так что не беспокойся особо.

– Хорошо, давай.

– Пока.

Как знал. Но кого-кого, а полицейский участок я никак не ожидал в посещение мною в такое время. Видимо, серьезно мы вляпались. Очень хотелось надеяться, что «просто спросят». Да ещё и со взрослым... Да, историю утаить точно не удастся. В доме жили на тот момент я, мама и ещё сожитель – довольно высокий мужик лет тридцати, чем-то похожий на долговязого вора из фильма «Один дома». Вместе с мамой выслушавший мою приуменьшенную по тяжести и непозволительно укороченную историю, он пошел со мной на следующий день.

Прибыть надо было к девяти утра, но мы все-таки припоздали. В строгом кабинете уже сидел Герман с дедом. Участковым была женщина средних лет, с короткими коричневыми волосами в легкой темной кофте. Я удивился даже – полицейский, да ещё без формы! Видимо, тут она не пригодится, потому что не только тётенька, да и почти все другие сотрудники, что я встречал по пути к кабинету, тоже её не носили. Участковый сидела за минималистичным офисным деревянным столом и что-то писала в листок.

– Здравствуйте, – мы с ним поздоровались и вошли в кабинет.

– Здравствуйте, садитесь, – ответила нам полицейский.

Помимо главного человека в комнате сидела ещё одна женщина. Располагаясь на стуле со спинкой возле длинной тумбы, заваленной бумагами, что стояла к нам боком, думаю, сотрудница контролировала процесс. Также я поприветствовал друга, и мы с сожителем сели на свободные стулья. Если госслужащие были ближе к правой стороне комнаты, то все остальные были ближе к левой. Свободных стульев почти не осталось.

Повисла неловкая тишина. После нескольких пробубненных следователем слов я подумал, что меня спрашивают о ситуации, как все оно было. Я начал пересказывать все, что было выше, и планировал закончить на данном моменте. Практически все посмотрели на меня, как на пришибленного, и сказали, что ничего говорить не нужно. Друг уже рассказал. «Ну и хорошо, пусть будет так», – подумал я. Позже нам участковый задавала с Германом различные вопросы, из которых мне запомнился один ключевой момент. Нам предлагали признать, что Коля съехал с обрыва без посторонней помощи. Конечно же, мы единогласно заверили о том, что ни за что бы не подставили так мерзко друга, абсолютно исключая сию подлую вероятность. Участковый, слава богу, поверила нам на слово и записала в протоколе все, как будет нужно. Она никоим образом не давила на нас, не ставила принудительно в положение обязательных допрашиваемых. А мы были взаимны с ней, благо, скрывать нам было нечего. И так выпало счастье выбраться целыми. Потом нам дали бумажку из дела на подпись. Я заметил, что у Германа очень красивый почерк для мальчика, да и ещё в таком возрасте. Я же недалеко от его на вид аристократичной подписи поставил свою корявую кляксу. Бумагу забрали. Мне казалось, что на этом сеанс будет окончен, но нас заставили всех вместе присесть в машину и проехаться к месту, где низвергнулся невольник несчастного случая. Нас просили показать, где именно это произошло.

В машине нас уже ждал водитель – мужчина преклонных лет, в широких прямоугольных очках и с залысиной. Вместившись вшестером в небольшую легковушку, мы быстрым темпом преодолевали сотни метров. Сближались с точкой, что мы с другом описывали, проговаривая направление. В обратном порядке проносились дома, что вчера я видел, когда ходил пешком. По тротуарам проносились люди, а мы, в самой обычной машине, без мигалок и прочих знаков различия, ехали к сопке. До этого никто почти не знал нашу историю, а теперь тот, кто узнал, желает увидеть её со стороны. Лицедреть начало внезапной драмы. Ведь никого на краю обрыва сейчас нет, верно? Люди ведь на ровной и прочной земле? Значит, это начало. Но, конечно же, до финала доводить не желает никто. Мы сворачивали на пыльную дорогу. Мы миновали глыбу... За окном появился роковой, почти незаметный, песчаный след на голой грубой породе.

– Вот, здесь! – говорит Герман, указывая в окно.

– Да, вот оно, – подтвердил тут же я.

Машина остановилась. Тётя, опустив стекло, вглядывалась в картину, что была сотворена вчера, как сыщик, обыскивающий место преступления. С серьёзным взглядом и лёгким прищуром нерастушеванных век.

– И нахер вы туда полезли? – увидев высоту и не в состоянии сдержать понятное удивление, более высоким, чем обычно, голосом сказала участковый.

– Скучно было... – тихо и виновато оправдываюсь я, никуда не глядя.

Машина, будто экскурсовод, снова набрала скорость и миновала заброшенное хранилище горючего, показала скалистую стену и проехала около начала злосчастного подъема, но не спешила останавливаться. В полном молчании мы вернулись к участку, где нас и отпустили. Видимо, участковой все и так уже было понятно.

На пути домой Герман клялся, что никогда больше не полезет не только на эту сопку, да и вообще будет остерегаться ей подобных. Это ставило под угрозу посещение Скалки, на которой мы так любим смотреть на поселок с высоты и просто хорошо проводить время. Перед тем, как распрощаться, он попросил подождать его и, сбегав домой, вынес мне коробку с диском, с записанным на носителе то ли фильмом, то ли игрой. К ней приклеена бумажка с надписью: «От друзей». «Друзья» просил меня отнести подарок Коле в почтовый ящик. На логично следующий вопрос: «Почему я, а не ты?», то он ответил, что его гложет и мучает чувство вины от бессилия в плане помощи Коляну. Теперь оно просто не подпустит его к дому друга. Я понял Германа и, взяв диск, пошел к дому на набережной реки Серебрянка. К слову, Николай и познакомил меня с Германом в начале этого лета, а времени прошло не более двух недель. Думаю, так и закаляется настоящая дружба. Да и вообще человек.

Я шел и думал: «А как бы мы спасли его, если никто из нас даже не предполагал этого?». По результату несложных размышлений совесть отключала своё вещание.

Почти каждый день из тех десяти, что Коля был в больнице, я проверял его почту. Диск никто не спешил забирать. Показательное пренебрежение или просто никто не ожидал увидеть что-либо в ящике? Странно.

Выходя гулять, в моей голове часто мелькала мысль посетить Колю в больнице. Но каждый раз я вспоминал об этом, когда приходил домой, за что корил свою нецеленаправленную личность. Мама говорила, что я ужасный и никчемный друг. Может, так и есть. Герман ведь приходил в палату к нему время от времени. Сейчас я бы, конечно, не раздумывая, топал в больницу, а тогда... Даже не знаю, что на меня находило. Просто не пришел, и все. Но как только я узнал от Германа, что Коляну разрешают выходить на небольшие прогулки, я сразу же поспешил узнать об этом поподробнее. На вопрос по типу «где и когда наш раненый друг дышит свежим воздухом» мне информатор ответил: мол, гуляет он во дворе единственной в поселке школы с четырех дня до пяти вечера. Что ж, мне несложно будет проверить.

А Герман не ошибся. Придя на задний двор учебного заведения, я увидел фигуру, сидящую на траве широкого склона. Он ведёт от школы и отдельной подсобки к небольшому стадиончику, который в зависимости от времени года служит и катком, и футбольным полем. Фигуру на мягкой траве освещало солнце. Да, это он, сомнений нет! Сначала быстрым шагом, а потом бегом я приблизился к другу. Мы пожали друг другу руки, я сел рядом и принялся расспрашивать его: как он сейчас, где был ранен и как он видел ту страшную картину своими глазами. Он рассказывал, что, когда он упал, его будто контузило, потому что он вообще ничего не слышал, а боли не ощущал как таковой. Тогда я спросил, слышал ли он в таком состоянии выкрик Германа: «Колян, ты жив!?». Друг ответил, что ничего не слышал. «Но ведь ты нам ответил, что жив», – говорил я. Но он только удивился со мной за компанию. Потом рассказывал, что шел, хромя, по пыльному грунту с разбитой головой, а стекающая кровь с неё очерчивала его путь. Я знал, что друг любит преувеличивать, но разве можно после такого обрезать крылья полёту фантазии? Только спустя минут десять Николай обнаружил, что у него начинает болеть нога, и он, остановившись возле местной пекарни, позвонил своему деду. А тот, в свою

очередь, вызвал скорую, которая и забрала чудом выжившего друга. Я заметил под его большим пальцем старательно обмазанный зеленкой шов. Как говорит Коля, такой ему сделали ещё в больнице. Я спросил его, находил ли он диск Германа, который я положил в почтовый ящик, на что друг ответил, что только недавно вернулся домой и ничего ещё не проверил. Потом ещё говорил, что его бабушка думает, что это мы виноваты во всем этом происшествии. Но каждый из нас знает, что вся эта история – просто несчастный случай, который своими подробностями тянет на неплохой рассказ.

Мы молча сидели на траве, шурились солнцу и смотрели вдаль, освежаясь легкими волнами игривого ветра, и каждый из нас дал себе клятву – никогда больше не залезать на ту злополучную сопку. Вскоре Коля понял, что пора идти домой, попрощался со мной и исчез из моего поля зрения, взбираясь на склон хромыми ногами. А я ещё немного посидел один, встречая телом теплый обволакивающий ветер, и солнце укутывало меня яркими золотыми лучами. Лишь иногда красивое чириканье птиц содрогало свежий и теплый воздух... Но и мне пришлось прекратить созерцание далеких домиков, расположившихся на склоне такого же далекого холма, встать и оставить ковер зеленой травы одному золотеть под западающим к горизонту солнцем и вернуться домой – радостному и успокоенному.

Дядя Коля.

Очередной день походов на Левый Терней. Верно, как вы можете предположить, есть и так называемый Правый. Названия исходят из расположения берегов относительно течения реки, территории разделяющей. На Левом когда-то давно люди имели надель, строили здания и мостики через речки, протаптывали дороги. Сейчас все планы ушли в небытие, а среди гор, степей, дорог и речек можно изредка повстречать недостроенные или просто заброшенные дома и даже промышленные здания. Все постояльцы покинули это место, и только те, кто хочет отдохнуть или отправиться в поход, не позволяют этой обширной области запустеть совсем. А Правым Тернеем именуется сам поселок, где работают, гуляют и учатся люди, где кое-как побурливает жизнь. Эти два разных мирка соединены прочным деревянным мостом. По нему летом ежедневно ходят люди, стада лошадей и коров. Ездят самые разные транспортные средства. Мост весьма не низок, скажу я вам, но часто и взрослые, и подростки ныряют с него в широкую речку. Из-за этого к одной из ближайших к месту купания опор кто-то приделал железные скобы, чтобы было удобней забираться обратно на мост. Здесь, среди местных, жилую часть никто не называет Правой. Тут есть Терней, и есть Левый Терней. На территории последнего мы часто посещали озера, речки, заброшки. Сегодня наша цель – добраться до аналога Скалки. Он выпирает из горы хребта Сихотэ-Алинь, и мы хотим взобраться на эту скальную обитель, чего никто никогда не делал раньше. Хоть путь и нельзя было назвать коротким, но для нашей кампании пять-семь километров туда и обратно за день не было ничем необычным. Даже сам факт исследования нового места не привлекал особого интереса. Забираться в гору нам не впервой.

Ещё вчера Ванёк заметил тот каменный выступ, и мы верили, что туда нас приведет одна из разветвленных перед полем дорог. С Коляном в компании мы все вместе преодолели старый мост, небольшой баннер после него: «Хожу на охоту с бумажным пыжом – лес от пожара не бережём!», пересекли с полкилометра по дороге возле речки с чашицами. На перепутье мы повернули и двинули в параллель к левому склону далёких гор. Всё-таки поглядеть на колоссальные ковры полей да панораму свободной природы с нового ракурса всегда стоит долгого пути, если и делать-то нечего. Ощущать под ногами смертельную ширь пространства и глядеть вперед, куда хватит глаз и горизонта... Всегда остаются неизгладимые впечатления. Главное не упасть ненароком, рот открыв. Мы идём по пыльной дороге.

– Мы с папой на квадроцикле ездили в ту сторону, – говорит Ванёк. – А когда дойдем до поворота, где мы развернулись, тогда посмотрим.

– Окей...

В это время я считал, что безопасность и спокойствие может обеспечить тебе пластиковый автомат, «шмаляющий», как у нас часто говорили, жгучим пластиком по шесть миллиметров. Конечно же, мы все прекрасно понимаем: все хорошее нам обеспечит хотя бы маленькая деревянная дубинка. На тот момент повернутым на оружии из нашей компании был, к счастью, только я один. По пути мы, не имея особого представления о том, какие фотографии должны быть, фотографировали друг друга в разных неловких вариациях.

Пространство между нами и зелеными горами заполняло поле бурьяна шириной около нескольких сотен метров. Зеленое море пестрило желтыми, белыми и изредка синими с красными красками. Это можно было, думаю, увидеть с высоты птичьего полёта. К сожалению, мы шли на уровне «моря». Оно было и слева, и справа. Ранее все это было засеянными полями. Бабушка рассказывала, что мой прапрадед владел здесь большими наделами ещё до создания Советского союза, собственноручно возделывал землю для выращивания культур. И решил он где-то на заре коммунизма в нашем поселке нанять людей, чтобы работать на растущем участке было проще. Но местному руководству это совсем не понравилось. Оно обвинило прапрадеда в кулачестве и отправило его в Сибирь в качестве наказания, где находится временами бывает сложнее, чем кормить трупных червей со свинцом во лбу (хотя куда уж тут проще). Он вернулся. Он вернулся и увидел свои поля, возвращаемые когда-то усталыми жилистыми руками... и не смог сдержать слёз. Государство не забирало землю, и обрабатывать её никто не стал. Сорняк возрос бурьянами на огромной площади и выел всю пшеницу, всю рожь и остальные культуры... Человек мог спокойно кормить семью. А пионеры голодали, попрошайничая еду у каждого дома. Чего-то я отбилась от темы. Так, сейчас отойду на секунду, мне в дверь позвонили...

Дорога была однообразной, если глядеть только вперед. Повсеместное присутствие природы после каменных джунглей ласкает душу. Жаль, что тогда я этого не осознавал, принимая за должное. Старею уже, черт побери. Рассуждения, совершаемые сидя в квартире, приводят к грустным выводам. Тогда в голове у меня не было тех рассказов и отступлений, есть путь, и есть цель. И беспокоил меня только мой автомат и спортивная сумка через плечо. Рюкзак бы тут в разы удобней вышел, скажу честно. Альтернативы у меня, к сожалению, не было. Дожди в этом географическом районе не редкость. Оттого мы время от времени встречали остатки и следствия такого природного явления: грязевые лужи растекались, размешанные колёсами редких машин, и преграждали путь всем, кто ленится постирать обувь. Мы обходили противное препятствие по дорожке из примятой травы, протирая рёбра о едва достигающую до них неутоптанную зелень. Когда мы проходили дальше, нас по бокам дороги начала обступать густеющая чаща. Значит, недалеко отсюда есть место, где можно неплохо отдохнуть: если представится поворот налево, то тогда не составит труда дойти до речки. Там, на отвесном берегу, на относительно небольшом участке сконцентрировался недюжинный уют. Внушительная береза клонится к воде посреди совсем невысокой травы, поэтому видно все вокруг и на большое расстояние. И не обойтись без жаркого костра, вокруг которого мы любим собираться и сидеть, разговаривая о чём угодно. Горючим для его разведения является у нас берёзовая кора, которая, кстати, весьма и весьма недалеко от места нашей лёжки. За хворостом топаем обратно к чаще, где лежит много массивных упавших ветвей. Сухих, что главное. Но, как вам сказать... у берега разводиться костёр очень даже нежелательно, так как там среди обычной травы все пронизано каким-то подобием соломы и может попробовать разгореться с опасными последствиями. Поэтому вокруг огня мы вдоволь сыпали земли и песка. Эх, классно было там. Но сегодня нам совсем не туда, мы проходим мимо. Дальше, в неизвестность.

Да, много тут о чем можно писать. Куда ни глянь – своя маленькая история. Снова чаща вокруг сменилась вольным полем. Снова был преодолен очередной километр, а вот и какой-то странный поворот...

– О, это здесь! Мы остановились тут и поехали обратно, – сказал Ваня. – Отдохнем?

Трава, находящаяся у загиба дороги, была коротко выкошена метров на пять вперёд относительно неё, будто бы предлагая развернуть коврик. Беззаботно прилечь на него и, глядя в светлое голубое небо, пресладко уснуть... не услышав звона острой косы. Но вокруг было безлюдно, и лишь чириканье птиц с шелестом зелени заменяли тишину.

– Да, давай отдохнём, – думаю, присесть здесь будет неплохо.

– Давайте, – поддержал Коля.

Мы легко расположились на удобном газоне и вытащили прихваченной с собой скудной провизии в виде воды, хлеба, печенья и прочих персидских вкусок. Все это было в большинстве у Вани, и он не преминул поделиться с нами частью своей еды. Ванёк вообще сам по себе к такому жаден не был, да и у нас в компании со временем сложилось крепкое негласное правило: «Что есть пожрать, то поделись». Думаю, оно вполне себе справедливо.

Я решил заняться тем, что никогда не делал раньше – читать на природе. Кто-то вне города, бывает, ест, кто-то говорит, кто-то готовит, ныряет, бесится. А я в позе лотоса, в силу отсутствия водоема и желания его воображать, вперил глаза в толстую книжку с желтыми страницами. «СПАРТАК» – написано в оглавлении обложки над нарисованным черными, серыми и красными цветами войском, идущим куда-то влево. Посреди армии крупным планом изображён сам великий полководец с рукой на ножнах, оголяющей короткий, но острый меч. А грозный взгляд Спартака устремлён в ту же сторону, что и войско борцов за свободу. Эх, а что за история за той обложкой... Не обязываю, конечно, но очень советую прочитать.

Пусть вся история весьма захватывающая, но на том моменте, где я остановился, было описание каких-то античных построек, домов и декораций со специфичными названиями каждой их частей в довольно совестной манере. Оттого и читать было невыносимо скучно, как бы я ни старался заинтересоваться этим. Потому и книгу решил отложить после вникания в ерундовое количество строк, но Ванёк с ужимками остановил меня для хорошего кадра. Ха, ну давай... Ещё? Ну хорошо. Так, вот и все. Можно продолжить путь.

Положив книгу в сумку и собрав пожитки, мы поднялись с мягкой травы и снова двинулись к нашей цели вдоль пыльной дороги. После метров десяти она поворачивала не совсем туда, куда нам нужно. Внезапно друзья остановились.

– Пацаны, это что? – удивился Коля.

– Ого... – Ванёк тоже немало опешил.

– Где? – из нашей тройцы только у меня было неважно со зрением.

– Вот, смотри, там ворота! – мне показали в сторону, казалось бы, невзрачной тропинки, что вела вперед, к сопке.

И да, действительно! Среди кучной зелени я узрел вдалеке небольшой цвет ветхих сухих серых досок. В голове сразу же активировался поток мыслей, будто бы дамбу прорвало. Стреления в глуши? Засекреченный комплекс? Или же остатки от зданий, прилегавших к полю? Как тут вообще могло что-либо стоять, рукотворное человеком? Это же глушь глубокая! Подходя ближе, я могу различать очертания ворот: в два экземпляра две доски делают прямой угол, а их поддерживает диагональная балка. Конструкция закрывала дорогу. В напряжённом предвкушении и легком мандраже, который усиливался с каждым шагом, мы медленно подбирались к новой неизвестности, более опасной на первый взгляд, чем новая природа вокруг. Когда до подобия подозрительных ворот оставалось около пяти-семи метров натяжения расшатывающихся нервов, мы пригнулись в три погребели и стали двигаться максимально бесшумно. Я ожидал оттуда какой-то засады, там нас точно никто не ждёт в гости. Друзья также напряжены. Но нам нужно туда! Там наша дорога, там цена адреналина и жадного любопытства: что же там, что же у нас на пути?!

Своим пластиковым прицелом автомат выискивал притаившееся тело. Колян был готов пустить палку в ход в любой момент. Лишь Ванёк решил ограничиться бесшумной поступью, не доставая пару внушительных походных ножей из своего рюкзака.

Ближе. Ещё немного. Вход на прицеле, ещё... Пока что тихо, вроде. Мы подбираемся к воротцам. А это что за подарок?

На дороге лежит пустая сигаретная пачка. При помощи анализа Николая, разглядывающего её под ногами, и собственных глаз, мы поняли, что оставили её тут не так уж и давно. Значит, тут бывают люди. Значит, это не очередная заброшка, как деревня в противоположном направлении от главной дороги сюда. Чёрт, все интересней, и все рискованней... Не хотелось бы столкнуться с кем-нибудь там лоб в лоб. Что мы им тогда скажем?

Мы подошли вплотную к воротам. Что-то новое стояло перед нами. Да, это очередная авантюра. Но положим ли мы головы на кон неизвестности? Особо ничего впереди пока удивительного не было, лишь небольшая проселочная дорожка, заросшая травой. Она вела куда-то дальше, а деревья, что были не поодаль от неё, клонились так сильно и густо, что едва было видно, что нас ждёт впереди.

– Ну что, двинем? – спросил я друзей.

– Двинем, – отвечали мне.

Мы пролезли под воротцами.

Вроде бы никого да и ничего тоже появляться не обещало. Лишь травянистая тропа иногда повиливала, но постоянно бесповоротно нас уводила. Туда, где уже деревья не будут так интенсивно опускать свою зеленую завесу. Мы идём молча, но уже гораздо расслабленней. Теперь не было такой подозрительности к каждому кусту или шороху веток. Я бы сказал, тут даже непло...

– *Цензура*!

Широкое зрелище заливают высокое солнце. Расступившиеся деревья открыли нам широкий и просторный вид на вездесущие бурьяны поляны с прочими разновидностями невысоких растений. Поверг нас в ступор на вид обычный деревенский дом, который я сразу посчитал заброшенным. Он был в метрах пятидесяти от нас и будто стремился вверх своей островатой крышей по правой стороне дороги. Из-за обилия зелени рассмотреть предполагаемый забор не казалось возможным. Только высокие целые окна беспрестанно глазели на нас своей внутренней темнотой. Стены были сделаны из обычного дерева, покрытые яркой краской.

Признаков жизни участок не подавал. Звуков, кроме дуновений легкого ветра и редкого чириканья птиц, вовсе не было. Больше не остаётся причин стоять, и мы идём по тропе. Что же будет впереди? Трава да полынь с дикими цветами возвышались по краям дороги. В обоюдном молчании мы приближались к дому.

Забора, как оказалось, у него не было, и теперь я понимаю, почему. Здравая логика подводит редко, но тогда я мыслил стереотипами, за друзей ручаться не буду. Дом выглядел вполне себе презентабельно с бельем на веревке около веранды, которой уже почти не было видно с нашего угла. На вид очень даже жилой, нигде не битый. Видал я в поселке покосившуюся хибару с заколоченными окнами и темно-серым от времени деревянным заборчиком, держащимся только на добром слове. И живут там вроде как даже до сих пор, покуривая дешевую сигарету... Поэтому здесь точно кто-то недавно был. Знаем мы, конечно, что это, скорее всего, частный сектор и сюда лезть не стоило бы, но тут путь единственный к тому, куда мы попасть желаем. Ради ведь этого мы мотали километры своими детскими ногами! И почему бы хозяину не побыть против того, что мы просто пройдем мимо?

Разукрашенный дом больше не представлял интереса. Недолго думая, мы пошли влево – это была единственная дорога, что не позволяла нам повернуть обратно. Подножье горного хребта уже скрывалось за деревьями неподалёку, стоящими впереди, но там не было и шанса безопасно пробраться к подошве – часть деревьев было повалено недавним тайфуном, так что через лесоповал возле дома точно не пролезть не по силам.

Нас встречал коротко выстриженный газон с легковой машиной, которая уже явно давно не на ходу. Та примостилась в метрах двух по левую руку от нас и пыталась поблескивать

ржавеющей изнутри белой краской. Но больше всего приковывало взгляд и слегка поугивало обычное ведро. Оно стоит посреди выкошенной территории. На его краях было что-то более серое, чем металл, из которого оно состояло. С настороженным интересом мы подошли ближе. Внутри ведра засох бетон, заполняющий сосуд примерно на треть. Не беспокоя диковинную инсталляцию, мы прошли мимо, уже разглядывая бордовую крышу какого-то здания вдалеке.

Но это вдалеке, а в метрах десяти от нас по правую руку вырисовывалось какое-то подобие амбара, необычно широкого и приниженного. Он выглядит совсем не свежим по сравнению с домом. Как только я увидел широкое строение, мне показалось, что оттуда глядела какая-то хилая корова, сразу же исчезающая в темноте высокого строения. Но ни звука копыт, ни мычания изнутри не донеслось до меня. Стало подозрительно. Мне почудилось? Даже мои друзья не могли сказать точно. Хоть и будучи ветхим, амбар заброшенным не казался, и мы пошли к менее сохранившемуся зданию, вставшим к нам во весь свой длинный бок. Мы протопали возле серодеревянно-металлобордового амбара, бросив на него последние опасливые взгляды.

Тревога постепенно уступала любопытству, которое все сильнее проникало нам в голову. Страх сменила жажда узнать, куда нас занесло, на время отбросив отважное восхождение на высоту. Новая постройка, к которой мы приблизились, не показывала никаких фантомных фокусов и не выглядела столь подозрительной, отгородившись от всего вокруг рослыми стеблями благовонной (или просто на самом деле не очень хорошо пахнущей) полыни.

Пробравшись через небольшие заросли, мы подошли к пустому дверному проёму, обозначавшему вход. Поднялись головы, разглядывая строение. Оно довольно приземисто в сравнении с амбаром, но консистенция материалов была, в общем-то, та же. Насквозь проржавевшие жестяные листы крыши чуть правее середины проваливались, оконные проёмы слепо источали темноту на теле дряхлого здания. После недолгой паузы изучения мы проникли внутрь.

Зрачки стали шире, мрак рассеивался. Темный от старости и грязи пол рваным изношенным ковром покрывало сено. Слева, ближе к углу выхода наружу, мостился верстак, не опережавший по состоянию все, что было вокруг. Сыровато и мрачновато. Стены темны и пусты, пахло, разве что, нотками сена и немного промозглостью. Слава богу, нигде не смердело. Что на верстаке, что на полу был разбросан мелкий металлический хлам и пустые таблетные пачки, прожжённые грязью. Медленно шагая, мы не останавливались и без особых рассматриваний пошли на свет, слабо заявляющий о себе в левом конце не столь большой комнаты.

Ого, а это уже интересно! Коридор, занимая остальную от предыдущей комнаты длину здания, заканчивается глухой стеной. Справа и слева вдоль коридора до далекого упора расположились загоны для скота, уже давно пустующие. Пол составляет утоптанная чёрная земля, через которую иногда слабо пробивались прогнившие доски. От серых деревянных загонов отваливались их составные части, будто некий негодяй специально хотел их поломать. Сена, что интересно, тут было меньше. Самое заметное, что попадало на глаза – это длинная досточка, которая, немного прогибаясь, спадала прямо с чердака под крутым углом, касаясь земли немного ближе к нам относительно середины всей длинной комнаты аккуратно между прогнивающими загонами. На полпути к чердаку её встречали по бокам два других таких же куска хлипкого серого дерева. По инерции мысли возникло желание взобраться по доске на чердак, но инстинктивная логика сразу же отбросила сей вариант. Думаю, моим друзьям в голову пришло что-то подобное, но никто не сказал об авантюре вслух. Мы просто прошли мимо этой странной бесступенчатой лестницы и осмотрели дальние загоны. Все однообразно, мрачно и заброшено. Для чего тогда это здание тут стоит? Да и заброшено оно ли? Пока Ванёк с Коляном решили остаться в чахлом земляном коридоре, я возвращаюсь в первую комнату: уж больно ей, как по мне, не хватило внимания. Уж очень она полна разных интересных деталей.

Так... что же тут у нас конкретного, а не в общих чертах? Я сел на корточки, разглядывая темный пол, слабо укрытый соломой. Гайки, обрубки гвоздей, миниатюрные тонкие плашки в фалангу пальца из металла, запыленные и иногда гнутые по углам. Это не так интересно... в отличие от, например, этой таблетной пачки. Я поднял её и стал вдумчиво её оглядывать. Да, грязь будто въелась в этот дуэт прозрачного пластика и распрентованной фольги. Все капсулы были давно опустошены и таблетки, видимо, пущены в дело. Но на какое? Я поднялся, не выпуская из руки пачку, и поглядел вокруг. Что на старом верстаке, что по площади всего пола валялось немало пластика от них.

«И от чего же у нас эти таблетки?», – думал я, читая сложное название.

Название веяло упоминанием дьявола, но в этом ничего необычного не было. Необычным был тот факт, что оно мне даже ничего не напоминало из того, что я помню. Пусть лист моих фармацевтических знаний не столь велик, я посчитал, что бывшим наполнением этих пустых пачек улучшали корм для скота, чтобы тот рос массой больше генетически обычного. Стероиды, одним словом. Я осознал, что тут действительно есть о чем подумать и в чём можно разобраться.

– Ого... – с задумчиво-озаренным голосом я выглянул в коридор, где находились Колян с Ваней. – Ребят, прикиньте...

Ванёк решил-таки покорить чердак. Коля, страхующий его снизу, наблюдал за осторожным хождением по доске молодого атлета. Но лишь стоило ей опасно хрустнуть, как Ваня аккуратно спрыгнул с неё на устойчивый пол от греха подальше, больше не решаясь испытать удачу.

– Чё там? – они обернулись и по моему жесту вошли в комнату, в которой я играл в Шерлока Холмса.

– Я тут почитал, что есть на разбросанных упаковках таблеток и, знаете, это, видимо, стероиды для животных, которые тут были.

– О-о... – они удивились уже в свою очередь.

Находиться здесь более уже не имело смысла. Ручаться, от каких таблеток были те странные упаковки, конечно же, не буду. Мало ли всего на свете бывает, и много ли я понимаю? Да, вопрос риторический.

Мы выходим из сумрака. Зрачки сузились и приняли привычное положение. Пробравшись поперёк линии кустов полыни, мы оказались на том открытом пространстве скошенной травы, откуда и пришли. Не заметив ничего подозрительного, мы вернулись к своей основной цели. Чаща уже встречала нас, нехотя помахивая своими высокими ветками. Мы двинулись к лесистому подножью.

Да, недавняя непогода тут знатно побушевала. Нанеся ручьев среди влажного песка, она была и не прочь повалить немного неуверенных в своей устойчивости стволов, образуя, как я их хочу назвать – мостки путешественника. Упавшие деревья позволяли беспрепятственно ходить по ним над холодной водой. Увидев фотографию или картину с человеком, идущим по горизонтально расположенному стволу дерева среди природы, первое слово, возникающее в голове при ассоциации изображения с чем-либо – путешествие, поход, приключение, авантюра. До этого мне не представлялось никакое словосочетание, называющее упавшее дерево над какой-либо нишей между поддерживающими краями. Пусть это будет нашим термином, найденным в этой книге.

Чтобы не промочиться и не увязнуть в песке и грязи, мы пробирались к сопке по этим мосткам. Когда их не было впереди, мы прыгали по островкам густого темного песка, поросшего травой в нечастых местах. Видимо, то уже была земля, но мы не обращали на это особого внимания. Дух свежести витал в окружающей листве и между тремя живыми фигурами, куда-то стремящимся.

Чего они хотят здесь?

Что их заставляет прицениваться к каждому бережку, к которому они прыгают через реки дождевой воды?

Стоит ли это того, к чему они стремятся?

Пенье птиц отдавалось легким эхом в этом храме Природы. Люди не пришли сюда, чтобы увеличить шанс на выживание, наоборот – ты выйдешь отсюда с меньшей вероятностью, чем из уютного дома. Им не нужны её дары, или кров... Они лишь хотят увидеть её властную широту, зелёные леса и поля, измождённые дорогами, по которым они шли сюда. Запечатлеть. Это не желание Природы. Это не было заложено Ей, это не ключ к выживанию. Но этого просто захотел человек, потому что может. Даже с малых лет ему становится интересно просто увидеть. Выходит, человек – он выше Природы. Пусть Она и мать и отец его как существа, пусть без Неё никто из нас не познал бы жизнь, но мы – её дети, превосшедшие Родителя и так жестоко поступающие с ним. Только взгляните в окно – ну и за что же так её? Я верю, что у нового человечества получится сохранить свою колыбель. И, как по мне, Природа ближе к нам как создатель, нежели Бог, многократно придуманный в различных точках планеты. Ради Веры люди убивают инакомыслящих, Природа – рождает. Природа убивает слабых, но слабые уже могут защититься от большинства болезней. А от шальной или прицельной пули – вряд ли. Так кто же настоящий Создатель?

Хотя, знаете ли, детям нужны приключения. Им не до моральных терзаний и мировых дилемм. Наша компания не была исключением. Мы чувствовали себя здесь, как дома, только без вкусной еды и прочих удобств. Тут был вызов, который мы брали, но смотрели на всё вокруг как что-то интересное, но не особенное. Раз прыжок – удача, поиск, расчет – второй неплох. Снова берег не провалился под ногами. Мы двигаемся все ближе к сопке. Ещё пару прыжек и, думаю, начнём взбираться. Только вот откуда? Здесь не везде пологая лесенка.

Так, и снова нас с целью разделяет водица. Что-то не кажется нам новый берег по ту сторону надёжным, ой не кажется... То ли песок какого-то странного оттенка, то ли что... Будто... вода уже пропитала всё изнутри. Не прыгать же сломя голову, помыться всегда успеем. Да и уходить не охота, что же?..

Я собрался прыгать на свой страх и риск, но Ванёк думал иначе – молча поднял с земли увесистый булыжник и перебросил его на сомнительный бережок. И тот, и другой знатно просели под качественным взаимодействием. Твою налево! Как же я не сообразил? С чего же я однобоко думаю? Ванёк молодец, голова, мне на стыд. Надо что-то делать с постоянными физнагрузками или просто работать головой почаще. Но я и так отличник! И правильно – отличник хренов, как поддерживала меня бабушка.

Мы не особо расстроились из-за представившейся неудачи покорить новую Скалку. Ведь, чёрт побери, мы обнаружили в такой-то, казалось, глуши целое поместье с заброшенными постройками вокруг! Это уже окупает ожидания. Пословица не будет врать – любая дорога приведёт к чему-нибудь. Что и в Рим, что и в этот богом забытый край с внезапным отблеском цивилизации. Мы возвращаемся.

Тот же остриженный лужок, то же странное ведро с бетоном по его краям. Выйдя из необычной чащи, я замечал: все вокруг казалось новым и... не таким, каким было раньше?

– Это ведро стояло – спросил я. *здесь?*

– Да, здесь стояло, – ответили мне.

– Хорошо.

Что же, теперь нам тут делать нечего, чудес насмотрелись. Мы решили возвращаться обратно с новыми впечатлениями и интересной информацией для других друзей, что находились сейчас не с нами. Газон можно было бы назвать ровным и прямоугольным, если бы не внушительный куст полыни с правой стороны от направления к яркому дому, где у первого мы стояли, пытаюсь высмотреть дорожку через озеро различных трав, откуда пришли. Ладно, все на местах...

– Идёт! – громко зашептал Ваня.

Моё сердце упало в пятки. Кто идёт? Я пригнулся, держа автомат наперевес. Неужели хозяин этого странного участка? Ванёк тихо посоветовал мне не вести себя аля немецкий оккупант в тылу врага и принять более мирное положение, но узнал я об этом только через несколько лет, когда мы вспоминали этот инцидент. Тогда я, видимо, был глух к мольбам, уже готовясь к жестокому бою. Господи, посмейтесь и простите меня...

Когда высокая фигура уже появилась из-за закрывающего обзор бурьяна, который мы также обходили, первое, что пришло мне в голову – прыгнуть в кусты полыни и сбежать скрытно по высокой траве. Но фобия насекомых, живущих в ней, меня остановила. Фигура мужика приближается. Он нас уже, как я понимаю, заметил давно. Осознав, что тут все не так агрессивно, я разогнулся, опуская пластиковое подобие заморского пистолета-пулемёта с утяжелённой рукоятью. Мы понимали, что бежать смысла нет. Я осознал, что мой автоматик тоже не поможет. Кому известно, чего он хочет и с чем он. Оцепенев от страха, мы стали трое в ряд, просто ожидая, что будет.

Наконец, человек показался в полный рост, похлопывая большим кухонным ножом по левой ноге. Остановился в нескольких метрах от нас, загораживая своим грузным телом часть пейзажа и жилого дома. Видимо, его собственного. На голове ни волоса, с голым торсом и свисающим пузом, в тёмных штанах он злобно-лукаво смотрел на нас из-под глубоких глазниц, как бы смотрел топор мясника на шею обездвиженного агнёнка. Возле каждой его ноги было по собачонке, что преданно облаивали нас, не отставая ни на шаг от хозяина. Повисла страшная пауза.

– Вы, детишки, сюда дорогу забудьте, – начинал он, вбивая эту фразу нам в голову на всю жизнь, продолжая похлопывать ножом по ноге.

Мы стоим в растерянности, не зная, что сказать, но после недолгого молчания мужик продолжил:

– Откуда вы?

– Из Тернея, – понимая абсурдность вопроса, я всё же решился ответить.

Ну откуда же ещё?

Мужик приподнял подбородок, принимая ответ.

– Вот вам повезло. Если бы я большую собаку привёз, она бы вас загрызла.

Ну, это мы ещё посмотрели бы. Тем временем собачки, которые всё-таки «удачно» завезены, юлили вокруг нас и изливали лай, так и намереваясь, но не кусая за ноги.

– А что тут делаете?

Мы находились в таком состоянии, что повествовать из головы рассказ, куда и зачем мы шли, было, мягко говоря, непросто, но Ваня смог разжать челюсть. Он стал говорить с ним и отвечать на вопросы. Чуть позже Коля, осмелев, тоже начал с Ваней по очереди говорить с мужиком. Неожиданность встречи, да ещё в статусе совсем незваных гостей вкупе с угрозами, в общем-то, создавали типичную картину пойманных воришек или мародёров, но мы-то!.. Дети, по одиннадцать лет. Нам просто была интересна даже не эта дача, а что рядом с ней, что маячит за километры отсюда. Собаки продолжали с рыканьем бегать вокруг и обнюхивать ноги. Мы не боялись, потому что нельзя. Будет ещё хуже. Дрожь рвалась из глубины души.

После интенсивной и долгой нервотрёпки, после дипломатических стараний выбраться отсюда физически целыми, мужик увесисто сказал:

– Ладно, идите отсюда. Только чтоб больше я вас не видел здесь!

Безоговорочно пообещав ему это, мы попрощались и быстрым шагом пошли на выход с этой злополучной территории. Нас теперь сюда и без ваших заключений, товарищ мужчина, никакими пряниками не затащишь.

Снова пустой корпус белой машины. Дом, стоящий громадной статуей среди гор и полей, долгожданная финишная прямая к воротам. Наконец-то... Удаляясь от жилой постройки, мы

шли уже спокойнее. Тут во мне проснулось беспричинное рвение проверить карман наплечной сумки. Он располагался снаружи, и у меня не было проблем расстегнуть молнию, просунуть в тесную темень руку и... обнаружить что квадратное на ощупь. Меня постигло немалое удивление, ведь я вообще не припомню, чтобы я что-то клал туда. Я вытащил руку из кармана и раскрыл ладонь перед собой. Передо мной лежит маленькая сложенная икона-открытка. На ней изображён человек с христианскими знаками, а под ним напечатана надпись: «Николай Чудотворец». Откинув обложку, я увидел отрывок из молитвы. И я вспомнил – больше полугода назад бабушка клала мне в этот же карман спортивной сумки сию икону на удачу в соревнованиях по дзюдо. Там-то мне она не очень помогла, а тут... Когда уже все люди осознают, что удача и неудача не зависят от времени, проведённого в молитве и количестве «счастливых» амулетов и «святых» картинок? Но тогда, всё же, моя вера в Высшие силы хоть и немного, да выросла.

Будучи в православном шоке, я показал друзьям внезапную находку. Они, улыбнувшись, тоже предположили, что лишь испугом мы отделались неспроста. Наша троица ещё слабо верила в такой благополучный исход событий. Не помня, как преодолели воротца, мы прошли мимо скошенной травы на изгибе дороги, где не так давно почивали, даже не предполагая, что нас ждёт в следующие несколько часов. Отдохнуть на нём мы не решились и без перекура двинули отсюда домой. Хватит с нас на сегодня.

– Вот дядька, а. Как его звать будем? – решил я озадачить нас.

Такого памятного человека нельзя не назвать, хоть как-то. Настоящего имени его мы, естественно, знать не могли.

– Дядя Коля? – после некоторых раздумий предложил Ванёк.

Мы с Коляном, оценив его вариант, согласились с таким говорящим прозвищем.

И теперь, рассказывая друзьям про приключения и происшествия, никогда не забываем упомянуть историю про диковинного и далёкого дядю Колю.

Ходьба в Старую деревню.

И снова в путь! Снова в дорогу! Левый Терней вычерчивал перед нами свой старый добрый пейзаж, с которым мы повседневно смешивались. Сегодня необычный день. Ваня хочет показать нам с Владом одно весьма и весьма интригующее и интересное место, от которого вряд ли можно соскучиться. Мы выходили на далёкий от моста перекрёсток с видом на те же зелёные и далёкие горы. Но теперь нам не к дяде Коле. Направо, по другой дороге. Ваня ведёт нашу заинтересованную компанию туда, где я ни разу не был. Я полностью положился на знания проводника. Ведь кто ещё сможет одёрнуть меня от наблюдения за новыми чашами, неизвестными поворотами? Это всё было весьма занимательным, знаете. Пусть всё вокруг такое же зелёное, всё также похожи деревья, но ты видел хоть раз эту дорогу? Новый угол обзора далёких гор? Да и как далеко нам придётся ходить, чтобы достигнуть точки назначения?

Немного плутая среди неуверенных поворотов, окутанных мягкой густой травой, мы уходили всё дальше вглубь. Вот вырулили на, относительно местных путей, большую прямую дорогу. Что же ожидает нас дальше? Сухие палки были разбросаны по её обочине.

Ого! Целая речка! Ну, вернее, речушка. Неглубоким потоком она умудрилась перекрыть нам дорогу на десяток метров вперёд. Я совсем не хотел промачиваться, да и не только я. Ваня, видимо, привык ходить бродом, так как на нём были его незабвенные чёрные шлёпки. А я стоически искал решения, поглядывая по сторонам... Так! Вот, правее. В метрах пятнадцати от нас через воду было проложено какое-то подобие деревянного мостика. Очень даже кстати! Но кто его проложил? Когда? Зачем? Неясно, но очень полезно. Протоптав с Владом немного метров буйной зелёной травы, мы без особых приключений перешли своеобразный мостик.

Очутившись на другом берегу и снова собравшись вместе, мы заметили, что дорога круто поворачивает вправо. Развилки нет. Значит, нам вперёд по дороге. Мы продвигаемся по пыльному полотну, глядя по сторонам просторным. Те же волнующиеся моря светлой зелени с ред-

кими деревьями поодаль. Мы проходили дальше. За метров четыреста после поворота нас справа и слева обступили высокие и многовековые широколиственные деревья, образуя просторнейший затемнённый коридор. Тут сильнее пахнет свежестью, да и идти приятней.

Ещё поворот. Проходя по тёмной влажной земле, я заметил что-то странное впереди по дороге. Это... это мост! А я ещё удивлялся особняку дяди Коли. Маленький бетонный мостик, что покрыт землёй и пылью. Редкими местами из бетона, смешанного с грязью, прорастают маленькие и неуверенные растения. Ваня говорил, что мост тут и должен находиться. Хоть место и забросили, а конструкцию, пусть и над засохшей речушкой, убирать никто не собирався. Прямо как дом, что друг хотел нам показать. Перейдя неожиданный для нас с Владом мостик, недалеко успел образоваться один из тех редких перекрёстков, что мы встречали у себя на пути. Ваня говорит, нужно направо. Путь налево уводит куда-то полого вверх, в далёкие горы Сихотэ-Алиня. А нам, как знаете, совсем с хребтом не по пути. *а*

По левую руку поле жёлтых трав, справа – зелёная чаща, что так ревниво тянула к дороге мохнатые руки. Тропинка плавно описывает доргой крюк. *о*

Всё рассеялось, оставив нас на слабой колее и с невысокой травой по сторонам.

– Вон, смотрите, – говорил Ванёк, показывая вперёд. – Там первый дом, это начало Старой деревни.

Мы с Владом сосредоточенно вгляделись вдаль. И вправду! Не столь далеко от очередного поворота в траве утопает крыша какого-то серого домика.

– А вон там амбар, он стоит запечатанный, – наш проводник указывал влево.

В одиночестве, но большой площади среди некошенной травы возвышалось длинное прямоугольное здание в один этаж, уже явно перемахнувшее своё лучшее время. Оно выглядит интересным. Но впереди ещё целая заброшенная деревня! Мы шли дальше, огибая поворот, у которого встречали первое строение.

Линейка домов по правую сторону. Слева пустовало. Среди колеи разводились широкие лужи с немалым количеством головастиков, что активно двигали чёрными хвостиками, коротко метаясь в мутной воде. Это всё? Я, правда, ожидал от именованья «деревня» нечто большее. Но ведь это лучше, чем ничего, правильно? Только представьте... Глушь. Трава кругом. Ни души за сухопутные километры от тебя! И целый ряд заброшенных интересных домиков, до которых нет никому дела... а ты их и видишь-то впервые! Обо всём хочется разузнать, исследовать... Такая натура не только у меня. Это нас и собирает вместе.

Здесь никто не припрётся в твою неожиданность, закрывая единственный выход, как в обычных городских заброшках. Даже вероятность того, что кто-то сможет заявиться сюда – она невероятно мала. Поэтому мы, не стесняясь, переваливали через невысокий заборчик одного из заброшенных дворишков. Окна у старинного дома, что смотрят на дорогу, были крепко заколочены. Дверь тоже отдавала неприступностью. Хм... Неужто не пробраться? Мы обошли домик с другой стороны. Бинго! Здесь уже поинтересней. Даже в этой деревне всё сделано на публику. С задней стороны, откуда никакому нормальному человеку не придёт в голову посмотреть, ничего не опечатано. Парочка старых пыльных окон с частыми рамами слепо глядели вперёд своей заскудалой серостью. Мы с интересом ходили рядом, пытаясь разглядеть, что за стеклом внутри. Из-за слоя пыли выходило, мягко говоря, не очень. В чём вообще преимущество постройки здесь каких-либо жилищ? Посёлок довольно далеко. И речка тут весьма исхудалая. Думаю, ради полей. Тут такой сенокос и столько ржи можно насадить, что мама не горюй. Ваня говорил, это место забросили ещё пятьдесят лет назад. Об этом его просвещал отец. Папа у него, как я понял, много чего знает об этих местах и людях.

Ваня стоит у окна, скептически его рассматривая.

– Ну чё, идём дальше? – говорю я.

– Подожди... – Ванёк нагибался за куском кирпича, коих немного валялось среди травы.

– Э-э, ты чего? Это же вандализм! – во мне заиграли праведные побуждения.

– Да ладно... Никому не будет дела, если мы немного помародёрствуем... – он замахивался ради первого броска.

ГАВ!

ГХАВ ГХАВ ГХАВ ГХАВ!!!!!!

ЧТО!?

ПСЫ?

ОТКУДА!?

Нас сдуло оттуда ветром. Громкий звук раздавался из двора, что справа. Но откуда там собака? Это ведь заброшено!

Тут ведь всё заброшено! Ещё очень давно... Пёс привязан. Что-то не сходилось.

Пусть Влад и не отличался особой скоростью ранее, но сегодня, я чувю, он установил свой лучший рекорд. Как только раздался звук, он умудрился преодолеть несколько метров за пару мгновений и с лёгкостью перевалить заборчик, оставив нас далеко позади. В компании с Ваней мы по очереди перемахнули забор, все вместе оказавшись на относительно безопасной улице.

– Чё это за хрень!? Откуда там собака? – меня дико перетрясло от такой неожиданности. Мы стояли, переводя дух.

– Значит, всё-таки деревня заброшена не полностью, – Ваня досадливо чесал затылок.

– Я почти ничего не успел увидеть, – говорю я. – Только то, что собака привязана была, вроде небольшая.

– Я видел, там ещё мужик из дома выходил, с голым торсом такой... – Влад вспоминал недавно минувшие моменты.

Это уже точно не дядя Коля. Пока что округа оставалось напряжённо спокойной. Мы решили медленно двигаться вперёд, пытаясь высмотреть тот населённый дом. Мы смешались с придорожной травой, неторопливо раздвигая её руками.

Он. Вот он, тот интересный домик. Мы наблюдаем издали. Там стоит маленькая конура с интересным способом привязи. Вдоль определённого участка двора был протянут тонкий металлический трос. К нему скользкой петлёй был прикреплен ошейник с поводком, и таким образом вдоль крепкой проволоки носилась собака. Мужика видно не было, да и нам-то не особо хотелось с ним познакомиться. Проходя немного далее, мы поняли, что впереди уже не было домиков.

Но зато поглядите сюда! Слева, по более короткой траве, чем по её краям, но также не притоптанной, протягивалась небольшая дорожка. Где-то в её слегка удалённой от нас гуще выросло невысокое ограждение, явно принадлежащее заколоченному амбару. Мы, пригнувшись под высоту окружающей травы, аккуратно пробирались к примитивному забору.

Его не трудно было перемахнуть. Перекинув свои увесистые вещи, мы вскарабкались по сухим доскам, переваливаясь на другую сторону. Тут тоже трава невысока, и мы, немного пройдя вперед, пошли вдоль амбара, с интересом его рассматривая. Окна и предполагаемые двери были добротнo обиты гвоздями.

Всё это забыто и оставлено, как неудачный опыт. Сюда уже не вернуться. Все эти брошенные дома – ошибка старых лет, если всё выходит так, как я предполагаю. И к ним всё равно вернулся человек. Продолжает оживать это умирающее место. Почему? Потому что накатанная дорога? Потому что уже построено? Очень надеюсь, что он местный рыбак, и это его берлога. Одной из наших бед остаётся тот факт, что мы никак не можем оторваться от старого. Все эти дороги были глупо проложены, и мы продолжаем двигаться по ним. Пусть эти десятилетиями протаптываемые колеи уже навряд ли поменяешь, но есть шанс не заикливаться на плохих попытках просто из-за того, что мы потратили на них время и материальные ресурсы. Не стоит испытывать дискомфорт на том месте, где вы остановились. Не стоит жить так, как было когда-то принято. Они не принимали нашу реальность. Они не видели других вариантов. У нас есть силы, чтобы деформировать ещё тёплый гипсовый шаблон в молодых головах и не давать ему

застояться. Не бойтесь ошибок и не верьте стереотипам – рационализм даёт намного больше выгоды.

Люди, ушедшие отсюда, могли отчасти понимать мои мысли. Ну, или они просто встретили смерть в своём родном доме.

А мы возвращались обратно в посёлок. Кто знает, сколько ещё секретов скрывает это глухое место...

Ваня тасовал карты. Я, Герман и Влад сидели с ним за столом и ожидали новой партии блэкджека. Мы находимся в единственной комнате небольшого домика, к которому прилагается уютный, но пыльный и тёмный чердак. В нашей комнате, помимо прямоугольного стола, приставленного к одинаковому с ним по длине окну, расположилось староватое разложенное коричневое кресло у другой стены относительно нас. Оно стоит в углу, что ближе к выходу. А возле него у изголовья находится тоже весьма не новый табурет с большим и по форме кубическим синим полиэтиленом на нём, содержащим внутри себя что-то твёрдое и, видимо, довольно тяжёлое. В конце простой комнаты во всю стену проседают деревянные полки, достающие потолок рядом верхушек толстых книг. Лев Толстой, Бальзак и многие другие писатели своими многотиражными томами составляют здесь свою уникальную коллекцию. Её много лет составлял Ванин отец, работающий в редакции газеты нашего посёлка. Бывало, среди множества книг я видел парочку обложек, подписанных его фамилией. Наш стол, как и окно, находится у середины стены с идилическим видом на постриженную у избышки область лужайки, по своей большей части просто нетронутую. Справа дом, где Ваня с отцом ведут свою холостяцкую жизнь. Впереди... старый разбитый сарай по дальней левой стороне забора. Чуть дальше и поцелее находится в использовании туалет. После вышеописанных строений параллельно длине окна проходил старинный, наверное, как дряхлый сарай, невысокий забор, состоящий из узких сухих досок, соединённых двумя вездесущими перегородками с массивными невысокими серыми столбами, отвечающими за их сообщение.

С таким местоположением стола было удобно играть и днём и вечером без светильника, наблюдая, хоть и приевшийся, но сносный пейзаж, не вызывающий эстетического раздражения. Из остальных удобств были добротные деревянные табуретки, на которых мы сидели часами за этим столом.

– Снова на очки? – спросил Иван.

– Ну не на деньги ведь, – отвечаю я.

Ваня начал раздавать колоду.

Пошла игра. Кто-то делал сплит, кто-то добирал. Основы старого доброго двадцати одного, но с большим вариантом действий. Самым рискованным у нас был Влад: с помощью сплита увеличил ставку в девять раз... и все проигрывал! До одной руки! Но очки не деньги, терять было не так уж и обидно. Блэкджек без продуманного мухлеза – игра стихийная, но также обеспечивающая увлекательное времяпровождение. Мы любим риски. Ну, когда они в меру, имею в виду.

Блэкджек – это вам не какой-то пьяница, дурак, то же очко – это игра, вытасченная из забугорных казино. И картежники любители, играя в неё, становятся... профессиональней, что ли. Мы сыграли ещё три-четыре партии, и нам как-то уже наскучило гонять счета и карты.

– Пацаны, а может, сегодня на ночёвку? – предложил Герман. – В картишки сыграем, фильмы посмотрим...

– Я не против, – я проголосовал.

– Хорошо, – ответил Иван.

Я не помню, когда он был против ночных посиделок в этой небольшой избышке. Но ночевать мне приходилось там только однажды, и это было то ли год, то ли два назад.

Что ж, мы могли хоть до утра сидеть в этой комнате на своих табуретах, перекидываясь в карты. Естественно, это было бы слишком однообразно и очень даже нудно. И мы с Германом

и Владом решили скоротать вечер, съездив по одному как раз- таки отложенному на свободное время интересному дельцу. На Левом Тернее, в километрах четырёх от моста, был нами найден давно заброшенный и недостроенный, как его здесь называли, рыбзавод. Судя по оставшимся плитам, кирпичным стенам и обросшим балкам, здесь должен был находиться обширный цех. Но вместо станков и других предполагаемых машин там сейчас бурлит густая зелень в виде небольших берёзок, травы и прочих кустов, охотно повинуюсь каждому дуновению ветерка. Ты мог наблюдать всё это с немалой высоты небольшого числа бетонных плит, составляющих плоскую недостроенную крышу предполагаемого рабочего зала. Но сейчас мы думали о другой части комплекса. Не так далеко от вышеописанного мной места есть просто будто бы обычные здания, по планировке похожие то ли на фасовочный склад, то ли на офис. И в одной из таких построек нет прохода на второй этаж как такового! Не достроили лестницу, а площадки лестничные уже выложили. Забавная вещица, правда? Особенно для таких, как мы, которым всё это кажется как вызов. И, знаете, принять и преодолеть его стоит лишь ловкости наших конечностей. Не просто, я имею в виду, владеть моторикой, а иметь именно сноровку. Из неуклюжих тут никого не было, несмотря на тапки и массу тел. По оставшимся ржавым косякам высокого серого столба, кем-то уже приваленным к стене, мы взбирались в дыру на втором этаже, опасно пошатываясь на неустойчивой установке. Спускались из пустого окна, прыгая с кирпичного проёма на бетонный козырёк, а оттуда уже пришлось пролететь несколько метров к земле. И нам думалось, что тот незакреплённый столб может подвести в любой момент, и канат будет весьма и весьма кстати. Колян, с которым мы были тогда, говорил, что видел, где лежал один нужный нам, толстый добротный – на территории местной и неповторимой шиномонтажки. Прямо во дворе, но стянуть его днём было бы равносильным явки с повинной. Я лично воровать не любил и не люблю, но если он там лежит без дела, а нам нужен, то пусть канат не поминают лихом, если мы его позаимствуем. Но то ночью. Желательно безлунной.

Наши велосипеды без труда мотали метры возле сплошного металлического забора шиномонтажки. Пусть я и, как вы знаете, подслеповат, да без подручных очков, Герман с Владом беспрестанно поглядывали налево вверх. После поворота обратно так же беспрестанно глядели вправо. Я пытался прищуриться и просто высматривать неоднородные цвета на ещё не посеребривших внешних деревянных досках чердака одного из центральных зданий. Но тщетно, не увидел ни одной. Помимо камер было ясно, что у въезда на территорию сидит охранник в будке, а пролезать с других сторон не было возможности. Поэтому надо было надеяться на бесшумность и удачу, что этому дяде будет по барабану, что творится за его окошком поздней ночью. Осмотрев шиномонтажку не один раз, мы поехали обратно.

- Ну что, во сколько поедем? – спрашиваю я друзей.
- Ну, где-то часов в пять или три, – колебался Герман.
- Давайте в три, как раз поздно в ночь, – предложил я.
- Да, наверное, так и сделаем, – согласился Герман.
- Сколько камер насчитали?
- Я четыре: на крыше с двух разных сторон и на территории ещё пару. – ответил Герыч.
- Да, я где-то тоже, но там я видел камеру одну на входе, – сказал Влад.
- Нехило, – говорил Герман.

Н-да... А я даже не заподозрил о существовании хотя бы трёх. И не увидел ни одной. Для меня почти каждый ясно видящий человек становится чуть ли не поводырём. И в нашей вылазке я тоже буду консультироваться за каждый шаг, чтобы не вступить в какую-нибудь лепёху неприятностей. Я знал это. Просто так бывает всегда.

На нашем пути обратно в любом случае встречается единственная тернейская площадь. В общем-то, это пыльный полупустырь с разными важными зданиями по его краям: почта с мощной гудящей тарелкой, банк с через раз работающим банкоматом, пенсионный фонд и ещё пару заведений, о которых ничего точного я не знал. Это с одной стороны. Справа, если

смотреть на мост, который преодолевает речку за площадью впереди, расположился по удалению магазин канцелярки с игрушками со столовой на втором этаже. Продуктовый магазин граничит через стенку, дальше магазинчик выпечки и ещё какое-то уличное кафе со сплошным ограждающим забором. Я бывал в последнем лишь единожды и то только потому, что меня туда позвали на пару минут посидеть за пластиковым столиком под солнцезащитным зонтом. Нам в продуктовый. Распрошавшись с Владом, так как ему ещё никто не разрешал остаться на ночевую, мы с Германом доверчиво оставили велосипеды у входа. Поднимаясь по бетонной лесенке, зашли в магазин. Старая добрая «Маргарита» не увядала под течением времени: появились новые товарные полки слева от входа, чего ранее не было. Везде пестрели самые разнообразные упаковки! Если честно, худшего я ожидал, а тут прям радость берёт среди постоянного застоя и выметания. Хотя какое мне до совсем не единственного магазинчика дело?

Прикупив пару пачек дешёвой лапши на душу, мы вышли. И тут, как в дешёвом кино или заскриптованной сцене в игре, в моём кармане начинает вибрировать телефон. Мои предположения, кто это, не выходили из круга личностей в одного человека. В два движения я вынул свой аппарат из кармана. Ну, точно, Влад! Какое совпадение!

– Да?

– Привет, Лёнь, мне разрешили с вами остаться на ночёвку. Вы сейчас где?

– Мы сейчас у «Маргариты». Подъедешь?

– Ага, хорошо, скоро подъеду.

– Давай, – я положил трубку.

– Это кто? – спросил Герман.

– Влад, – говорил я, смеясь над картинностью прошедшей ситуации. – Говорит, что ему разрешили, и он сюда скоро подъедет.

– Ну что ж, подождём.

Мы немного проехали до дороги и сели на узковатый бетонный выступ у небольшого металлического узорчатого заборчика магазина канцелярки. С первых минут протирания о бордюр штанов Герману надоело это занятие, и он стал размеренно ходить вдоль дороги туда и обратно, попутно вспоминая Владову нерасторопность. Я тоже был не очень терпелив, но пока молчал, оперев локти в колени с двумя пачками лапши наперевес. Обе упаковки были в одной руке. Чё-то спина чешется. Ага... так гораздо лучше. Да где его носит?

– Слушай, давай я тебя сфотаю? – выдавая нехилую лыбу, сказал Герман.

– Зачем? – говорил я, не понимая.

– Ты так сидишь сейчас с лапшой и с таким взглядом, как у бомжа, я тебе говорю.

– Хехехех, ну давай. На мй телефон, – я протянул его другу. o

Я был без понятия, с каким лицом сидеть, поэтому физиономия у меня была слегка дикая и потерянная. Ну, в общем, как всегда. Так получается даже без выражения каких-либо эмоций. Хотя сейчас за своей рожей я замечаю больше инфантильности, нежели дикости. Но фотки получились неплохо, будет, где посмеяться, перебирая цифровые архивы. Пока что мы хоть как-то убивали время.

Наконец-то подъехал Влад. Снова пожав руки, мы, было, уже поехали обратно к Вану, но прибывший друг нас остановил, чтобы закупиться в той же «Маргарите» на ночь грядущую. Ворча, мы ждали его ещё около пяти минут. Вот, он вышел! Когда уже, казалось, ничего не мешало вернуться в избушку, Влад по воле случая встретил двух своих старых знакомых, что начали вымогать у него мелочь. Посмотрев на это действие мученическим взглядом и посоветовав Владу грамотно распорядиться своими кровными, мы не выдержали и выдавили педали своих железных лошадей. Пусть сам догоняет, чего ломаться уже.

Будучи около моста, мы обернулись. Ребятки у магазина попрощались, и, как я понял, им удалось уломать Влада на копейку. Он догоняет нас.

Мы вернулись к Ваньку, стараясь хоть как-то скоротать время до ночи. Я, кстати, в этот же день привёз с собой скрипку, которую мне разрешили взять на время из музыкальной школы по случаю моей учебы в ней. Там меня знали, и если бы не моя учительница, которая настаивала, чтобы я продолжил учёбу в музыкальной школе после переезда, то вряд ли бы у меня сейчас пылилось в портфолио свидетельство об окончании с отличием музыкальной школы двухгодичной давности. На момент повествования я только-только закончил музыкалку и на инструменте, хоть и старинном, мог сыграть очень даже неплохо. Развязав стремящийся время от времени открыться при перевозке на велике деревянный чехол, я извлёк сухую потёртую скрипку, проверил строй, побренчав по пустым струнам. Надел мостик, натянул чёрный волос на смычке и поднялся, левой рукой устанавливая инструмент на ключицу. Правой рукой первыми фалангами пальцев держался смычок. Мизинец точно на трости. Все вокруг притихли, глядя на меня. Да, что бы такого сыграть? Не скучного, не протяжного... О! Восточный танец, играл его в шестом.

Сильная и яркая музыка, повышаясь в тонах, передавала немного диковинные, но экспрессивные восточные мотивы. Не плыла, а уверенно шагала танцем в темпе аллегро. Только продлилось это недолго. Конвульсивные дрыганья Германа, а-ля танцы с бубном, с моим исполнением уж никак, простите, не сочетались. Ваня улыбался и сам едва не пускался в пляс. Влад просто сидел смиренно, за что ему большое спасибо. А я опустил инструмент на полутакте и стал упаковывать его обратно в чехол.

– Чё такое? – Герман замер.

Натяжную тишину слегка перебивали звуки глухого постукивания скрипичной деки о старый кривоватый мостик.

– Ты чего перестал..?

– А нехрен было пританцовывать. Как дикари, вашу мать...

– Да ладно, ладно, я не буду, всё...

– А мне больше и не надо.

На чехле по очереди клацнули металлические застёжки.

– Ну ты дал...

Для меня, как музыканта, это было очень раздражительно. Я понимал Германа, поэтому старался не сердиться и забыть об этом. Это как, будучи певцом или оркестровым вокалистом, красиво и добросовестно исполнять свою партию, а тебя будет пародировать какой-то шнырь из зала, картавя слова и издеваясь над мелодией своими прокуренными связками. Причём громко так, и все смеются. Так что, пожалуйста, если в компании у вас есть музыкант, внезапно желающий сыграть вам что-то, будьте культурными людьми, если уважаете человека. Так, на будущее.

Мы знали, что в карты ещё наиграемся, поэтому вышли во дворик возле холостяцкой берлоги. Оторвав нож от старого невысокого столба, испещренного по всей его видимой части сотнями, если не тысячами, попаданиями ножей, стали по очереди испытывать себя на меткость. Из года в год это развлечение не теряет своей актуальности, как и сейчас. У каждого из нас было желание довести свой навык до совершенства и делать раз за разом красивые броски, удивляя всех вокруг. За этим занятием мы провели около получаса, и оно уже успело наскучить из-за долгого ожидания своей очереди. Оно неординарно, но также однообразно, особенно когда не попадаешь лезвием уже раз четвёртый. Мы вернулись в избушку. От нечего делать Герман надел мою маску предполагаемого Гая Фокса и попросил его сфотографировать, аки местного анонимного пацанчика с района. Потом сделали эпичную композицию на столе из карт, маски, лапши и некоторого количества монет. Разобрав всё, мы сели за этот же стол и стали обсуждать: кому же предстоит сыграть роль банка и по совместительству ведущего, а кому просто суждено быть обычными игроками, зашедшими за простой наживой... Мы всё-таки должны это попробовать. Сыграть в настоящую игру.

– Ну что, кто будет банком? – деловито спросил Ваня.
– Давай ты, у тебя же целая коробка с монетами. – предложил Герман.
– Да ну...
– У меня только двадцать. – Герман показал свои остатки со сдачи.
– У меня тоже. – Я положил на стол монетками круглую сумму.
– У меня пятнадцать, – сказал Влад, виновато улыбаясь.
– Ладно... – нехотя ответил Ваня и выдвинул из-под стола верхний, единственный выдвигающийся отдел небольшого шкафчика, находящийся прямо напротив друга.

Большую часть в появившейся нише занимала тонкостенная металлическая коробка с распечатанным на ней рисунком. Убрав плоскую крышку с загнутыми концами, Ваня лицезрел перед собой содержимое богатого короба. Монеты, много монет самого разного номинала застилали дно и выбивались вверх, прокладываясь слоями. Он мог потерять это в одну ночь или пополнить свои сокровища... ещё небольшим процентом от их количества. Я понимаю его нежелание. При нашей строенной удачи ему одному отстоять всё это... он всё-таки решился рискнуть. Ведь кому играть роль казино, если не ему?

– Так, всё на месте. Давайте пока просто на очки, пока не стемнело.

– Давай.

Пошла первая партия, она разминочная. Как и все несерьёзные после. Вторая. Снова Ваня раскинул каждым по две. Неужели теперь на кон будут ставиться не тысяча очков, а какие-то пять рублей? Уже не помню, кто выиграл. Дальше. Третья. За окном начинало темнеть. Ваня включил яркую пластиковую лампу, источающую белый цвет ещё не прогоревшей лампочки. Снова две карты на руки. Повезёт ли мне, или нет? С очками это не имеет никакого значения. Развязка начинает давать знать о себе. Вскрываемся. Кто-то победил. Конец, карты вернулись в колоду. Ваня записал последний счёт и убрал тетрадь. На монетках всё и так будет весьма наглядно.

– Слушайте, может, воды наберём? А то ночь долгая, вдруг пить захочется, – предложил Герман.

– Почему нет, – ответил Ваня.

– Я с тобой пойду, – говорю я Герману.

– Окей. Вань, ты пока готовься, а мы за водой пройдемся.

– Ага, – перебирая колоду, говорил он.

Взяв полуторалитровую пустую пластиковую бутылку от лимонада, откуда-то взявшуюся в избушке, мы, на ночь глядя, шли к выходу со двора. Пройдя длинный зигзаг по дорожке, из камней вымощенной, мы, калитку открыв и проверив, чтоб всё было закрыто после нас, увидели весьма интересную картину. Дом и двор Ваниного отца занимает одну из построек, окружающих определённый, но не столь большой пустырь с мириадами выбоин в желтой земле, половина которого занимает условный автовокзал. Оттого рядом находится билетная касса, куда подъезжает рейсовый автобус. Сейчас никого из людей здесь, конечно, не было. И было бы темно и пусто, если б не многочисленный табор лошадей, что-то нашедший здесь. Я, конечно, не раз и не два видел этих сильных животных. Но чтобы тут... впервые. Может, ходят к речке, что неподалёку? Там прекрасный водопой.

Мы с Германом идём среди высоких фырчащих и сильных тел самой разной масти. Большие парнокопытные шарахались от каждого твоего резкого движения. Они занимали почти весь пустырь. Было немного сюрно среди темноты вылавливать лошадей, но это также слегка забавляло. Ну и попугивало, по детской привычке.

Недалеко от пустыря, за деревянным туалетом, куда лучше ходить в ОЗК, находится небольшой спуск к ручейку. Слабый поток засыхает от постоянной жары. Из склона протянут толстый резиновый шланг со ржавым осадком, откуда бесперебойно все двадцать четыре часа в сутки уже какой год подряд протекает вода, уносясь с потоком ручейка, поросшего болот-

ной травой. Герман отвинтил белую крышку и подставил под поток уготовленную бутылку. Это было делом небыстрым, и он, сидя на корточках, смотрел то на воду, то по сторонам... Я тоже глядел на ночной Терней. Тишину лишь слегка перебивал плеск воды и топот копыт вдалеке. Улицы через пятьдесят метров вдоль асфальтовой дороги освещались высокими фонарями. На главной улице никто не ходил и никто не ездил. Бутылка наполнилась. Чтоб не казаться бесполезным, я предложил понести её. Герман был не против и я, держав сосуд за основание крышки, с пошатыванием держащей руки доносил её до избы, снова минуя нежданное стадо. Всё-таки, думаю, у каждого малонаселённого пункта есть своя особая атмосфера по ночам: угрюмая, странная, уютная, тихая...

Мы вернулись к ребятам и поставили у стола увесистую наполненную бутылку. Все уселись за столом на привычных местах. А теперь... нужна атмосфера! Герман надел на себя мою маску, на глазницах которой когда-то были наклеены мной черные куски ткани, и теперь он смотрится не так внушительно, отклеив их. Мне, в принципе, уже было без разницы насчёт этого. Я поднял со скрипичного чехла, лежащего в уголке избышки недалеко от стола, свою камуфляжную куртку, в которой приехал, и открыл один нужный мне карман... Вот! Хе-хе-хе... Мой чёрный бафф со стандартной челюстью. Простая и в тоже время хорошая штука. Прогдев через голову, я нацепил ткань с нужным рисунком ровно на нос, согласно правилам эстетики, приравнялся и уже был готов начать игру.

– Ну, что ж, какая у нас будет минимальная ставка? – спросил Ванёк.

– Может, пять рублей? – предложил я.

– Да не, много. Давайте два рубля минимум? – говорил Герман.

– Ну, или рубль вообще? – сказал Влад.

– Рубль слишком мало, все будут столько ставить, так неинтересно будет. Давайте всё-таки два рубля? – заключал Ваня.

На том и порешили. Игральности ради, Ваня разменял наши пятёрки и десятки двухрублёвым номиналом. Включили негромкий спокойный рэпчик на английском, вещающий, видимо, о жизни улиц, вперемежку с легким дабстепом, и начали игру. Пальцем я вывел из кучи двухрублёвую монетку, придвигая её в центр стола. Моя минимальная ставка. Друзья тоже решили поначалу не устраивать аттракцион невиданной щедрости, поставив по минимуму. *настоящую*

Тихая музыка, короткие спокойные вопросы и ответы. Не хватает лишь виски с сигаретным дымом вместе с неоновыми надписями на стенках, но мы на ЗОЖ, в общем-то. Из-за обстановки и нашего с Германом маскарада чувствовалось, будто ты в какой-то ажурной видеоигре про мафию. Чувствовался тот настоящий блэкджек, где расчёт и риск имеет валютную цену. Очередная партия. Я уже успел немного повысить состояние моего банка. Между делом Ваня, как бы невзначай, заявил, что не «шулерил ещё». Все монеты в два рядка лежали передо мной. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, в плюсе я или нет. Насколько понимаю, все проигрышные ставки уходили казино, то есть Ваньку, когда победитель получал лишь в 2 раза больше, чем ставил. Это не так уж и рискованно на потерю средств, как я раньше думал. Ваню вообще никогда не уходил в минус, даже проигрывая, ведь он – главный банк. А выигрышем ему служили все наши проигранные руки. Неплохо, неплохо. Так, шестёрка с королём – итого десять.

– Ещё, – говорил Герман. Ваня послушно выдал другу карту.

– Так, мне тоже нужно... – Ваня доложил себе одну карту из колоды.

Аристократичный взор опытного крупье пал на меня.

– Ещё, – говорил я.

– Ещё, – сказал Влад.

Ага, ещё восьмёрочка. Восемнадцать... Рискнуть на картинку или нет? Это маловероятно... Ладно, пусть останется так.

- Ещё одну, – попросил Герман.
- Я всё. Лёня? – Ванёк обратил взгляд.
- Я тоже всё, – я положил три карты рубашкой вверх.
- Влад?
- Хм... Ещё одну.
- Хорошо. – Ваня протянул ему карту.
- Итак, Герман?
- ... Да пофиг, давай ещё, – произнёс человек в маске.
- Я всё, ты всё, Влад?
- Я всё.
- И... Герман?
- Всё.
- Вскрываемся.

Все положили карты. Первого смотрели Германа.

– Перебор! – угрюмо сказал он и ударил неслабым кулаком об стол от досады. Неустойчивая пластиковая лампа вырубилась от такой встряски, и мы оказались в темноте.

– Герман, ну не бей так, она отключается. – Ваня подвигал что-то в приборе, и снова стало всё прекрасно видно.

– Ладно...

– У меня семнадцать. – Ванёк показал карты.

– Восемнадцать, – говорю я, показывая веер.

– Перебор, – мы увидели это в картах Влада.

– Что ж, Лёня победил. Забирай, – сказал мне Ваня, и я придвинул к своим рядкам ещё две двухрублёвые монеты, не заметив, как исчезли остальные. Новые монетки грели душу.

Упершись локтями в стол, Гера понурил своё масочное лицо. Ваню снова раздаёт. Так, что тут у нас?..

– Прячьте деньги! Папа... – зашептал Ваня.

Мы разом сгребли монеты со стола себе на колени.

– Ребята, давайте я вас сфотографирую! – отец Ивана будто вынырнул из ночи с фотоаппаратом в руках. Слава богу, я успел сгрести.

– Играете? – говорил он, делая кадры за кадром для лучшего эффекта.

– Да, – ответили мы хором.

– На деньги, случаем?

– Не-ет. – даже не допуская данного факта в интонации, говорили мы.

– Из-за отсутствия оных? – смеясь, говорил он, глядя в объектив.

– Ну да... – как-то нестройно и тихо мы отвечали с виноватыми улыбками.

Ещё несколько фото со вспышками и без. Мы сидели неподвижно, смотря через окно в чёрный объектив камеры. После этой истории мне удалось увидеть конечно выбранное фото. Мы получились немного абсурдно, но, в принципе, весьма артахусно.

– Ну ладно, парни, я пойду, – говорил отец.

– До свидания! – мы попрощались с ним.

Как только за окном стало снова ни души и шаги стихли, рядом с нашими картами материализовались монетные пригоршни, вытащенные из-под стола. «Пронесло», – это виделось в глазах у каждого. Или папа лишь сделал вид, что не заметил? По крайней мере, мы продолжили.

Вскоре из плюса я начал медленно выходить в минус, по несколько раз подряд у Ваньки выпадал «блэкджек». Это не могло не вызвать подозрений.

– А ты чё, уже начал шулерить? – подозревающе говорю я нашему ведущему.

– Да нет, мне просто везёт, – ответил Ваня со спокойным выражением лица без тона иронии.

Я знал, что Ваню хватит моральных сил скрывать эмоции. Всё-таки не решаясь смущать остальных друзей и портить атмосферу игры, в которую уже все вжились, я промолчал в ответ, и мы продолжили. Всё-таки не каждую партию ещё я проигрывал, но мои рядки все планомерно сокращались по длине. Бафф уже осточертел, и я сдвинул его с носа, позволив упасть чёрной ткани на плечи. Давненько на Германе не было видно маски. Я даже не заметил, куда он её убрал. Надеюсь, в безопасное место.

– А, я понял, как за игрока можно... – Влад наигранно хищно улыбнулся, пряча половину лица за веер из нескольких покерных карт.

– Да, за игрока гораздо проще, – с улыбкой отвечал ему Ваня.

Герман решился поднять ставку, выставив на кон целых четыре рубля за раунд. Может, это и спасёт утопающего? Снова раздача... ага, я понял вас. Ещё. Так, теперь мне больше не требуется. Вскрываемся. Влад с Ваней выкинули по блэкджеку. Остальные оказались в пролёте.

– *цензура*!!! – в порыве досады из Германа вырвалась такая громкая закрученная двусловесная ругань, что редкий прожженный моряк навряд ли бы смог такую выкинуть. Стол тряхнулся от его удара по столу. Настольная лампа каким-то чудом продолжала работать.

– Не материтесь! – укоризненный голос папы из того же ночного мрака был как ушат ледяной воды для наших горящих голов.

Округлив глаза до образных пяти рублей, мы мгновенно потеряли дар речи, ожидая тираду нотаций о том, как правильно выражаться, уже загребая монеты в руки. Но тьма хранила молчание, а отец, видимо, уже куда-то ушёл.

– Чёрт... – опешил Ванёк. – Во попали.

– Ну ты и выдал, Герыч. – говорил я с усмешкой. Такую штуку произнести надо уметь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.